

Кристина Рой

*В надежных
руках*

СВЕТ НА
ВОСТОКЕ

Перевод с немецкого

Kristina Roy
«An fester Hand»

К. Рой

В надежных руках

Пер. с нем. — Корнталь: «Свет на Востоке», 1999. — 144 с.

Перевела с немецкого Луиза Герман
Редакторы И. Лемещенко, Т. Лимаренко
Корректор М. Романова
Художник О. Зверева
Компьютерная верстка А. Кодака

© Русское издание:
«Свет на Востоке», 1999

ОТ ИЗДАТЕЛЕЙ

Наше издательство «Свет на Востоке» продолжает публикацию произведений словацкой писательницы Кристины Рой (1860—1937). Сегодня читательский спрос на христианскую художественную литературу весьма велик, поэтому мы подготовили к изданию новую серию из восьми книг, среди которых есть и автобиография под названием «И стал Свет». Надеемся на то, что читатель, уже знакомый с некоторыми произведениями К. Рой, с теплотой воспримет и эти работы, впервые издаваемые на русском языке.

ДОРОГА В НЕБО

Когда читаешь рассказы К. Рой, попадаешь под обаяние ее искренности. В своей писательской манере она многое переняла от проповедей Христа: афоризмы, вопросы, логические доводы, традиционные формы священной библейской поэзии, притчи. Ее афоризмы звучат мягко, они как будто окутаны дымкой печали («Ах, в мире нет блаженства без примеси горечи»; «Иногда дни летят, как мысли, а недели — как сон»; «Настоящая любовь уходит с нами в вечность»), а рассуждения героев логичны и полны житейской мудрости.

Несмотря на то, что писательский стиль К. Рой формировался под влиянием романтизма, в ее книгах описывается повседневная жизнь простых людей. Герои выращивают и собирают урожай, косят траву, пасут скот, ходят в лес за грибами и ягодами, плотничают, ведут домашнее хозяйство, занимаются рукоделием, нанимают работников и сами работают в кузницах и на мельницах. Но главное, что находится в центре внимания писательницы, — это внутренний мир ее героев. Она

умеет посвятить нас в тайны их души, и мы знаем, о чем они думают, что чувствуют, о чем говорят в молитвах. Религиозности, подчиненной обычаю, К. Рой всегда предпочитает искреннюю беседу с Богом, когда открывается все, что лежит на сердце. Ее героини молятся простыми словами, с любовью и доверием, слова иногда переходят в стихи, ярче всего отражающие их переживания.

Библейская притча — органичная часть многих рассказов К. Рой. Притча о заблудшей овце, включенная в такие произведения, как «Счастье», «Три друга», заостряет наше внимание на отношении Бога к отдельно взятому человеку. Характер этих отношений проиллюстрирован в рассказе «Без Бога на свете», где овечка является объектом особой любви и постоянной заботы главного героя — мальчика Мартынка, сироты, пастушка «с красивым загорелым лицом и большими темными глазами», а сам он оказывается «овечкой», найденной Пастырем Иисусом. «Одно нехорошо, — говорит Мартынка женщинам перед своей смертью, — жил я на земле без Бога, а вы ничего не рассказывали мне о Нем...» По глубокому убеждению писательницы, жить без Бога — большой грех. Поэтому жизнь ее маленького героя, узнавшего о Хрис-

те, превращается в одно постоянное ожидание Его прихода. Смерть для Мартынок — это последняя ступенька к Богу. В конце рассказа не говорится, что мальчик умер. «Он ушел в тот далекий край, о котором мечтал на земле. Он нашел Бога, и Бог нашел его».

Дети — любимые герои К. Рой. Она хорошо понимает, что имел в виду Спаситель, когда говорил ученикам: «Будьте, как дети». Открытость и доверчивость детской души есть образ доверия человека своему Небесному Отцу. Доверие ее маленьких героев Богу и верность Ему беспредельны. Поэтому в рассказах писательницы дети — цельные личности.

События рассказа «Мальчик-рыбак из Галилеи» переносят нас во времена последних лет правления царя Ирода. Два старших друга маленького Ионафана — Манассия и старик Иаков — понимают слабость своей веры, когда видят, как горячо верит Ионафан в то, что Сын Божий не был убит в Вифлееме.

Христос говорит: «Не бойся, только веруй». Но страх пережить разочарование останавливает старого Иакова, а Манассию сдерживает клятва верности, данная Иоанну Крестителю. И только серд-

це мальчика-рыбака сразу и навсегда принимает Христа. В конце рассказа, когда Ионафан приносит Иисусу «дар детской любви» — хлеба и рыбки, совершается самое важное событие в его жизни: он встречает долгожданного Мессию.

В основе рассказа «С ним был Бог» лежит библейская история об Иосифе и его братьях. Размышления писательницы о преобразении главного героя становятся особенно волнующими, когда она говорит о результате внутренней борьбы в Иосифе и его отказе от «ветхого человека» в себе. Иосиф произносит слова: «Да будет воля Твоя!». «И на этом Бог завершил его воспитание», — пишет К. Рой. Она не скрывает, как труден отказ от себя даже во имя Бога, даже ради обретения себя в Боге в более высоком качестве. Иначе, по мнению писательницы, и не может быть. Ведь зло живет в самом человеке: воля к господству, подавлению и насилию дремлет на дне души, готовая в любой миг вырваться наружу.

Все творчество К. Рой наполнено ее желанием помочь нам избавиться от нравственной слепоты. На страницах рассказа «С ним был Бог» писательница вступает в очень личную и откровенную беседу с читателем, с «дорогой душой», обнажая глу-

бинный смысл происходящего, заглядывая в будущее и предостерегая от непоправимых ошибок.

Труден путь заблудшего человека к Богу. И, усиливая эту мысль, герои К. Рой странствуют, скитаются, страдают от непонимания и одиночества. Писательница переживает за них, заставляя переживать и нас, переживать не только и не столько за литературный персонаж, но за каждого человека, отвернувшегося от Бога и потерявшего дорогу к своей Небесной родине.

Творчество К. Рой оптимистично. Герои ее рассказов обычно находят Бога, как нашла Его и сама писательница. С тех пор ее жизнь и творчество посвящаются Тому, Кто взял на себя ее грех, подарив прощение и вечную жизнь. «Жить для Иисуса, с Ним умирать» — и сегодня мы поем ее гимн, наполняющий наши сердца утешением и желанием трудиться для Него, как трудилась К. Рой.

Татьяна Лимаренко

*ПРИНЯТЫЕ В КНИГЕ
СОКРАЩЕНИЯ*

Пс. — Псалтирь

Мф. — Евангелие от Матфея

Ин. — Евангелие от Иоанна

Деян. — Деяния святых апостолов

Рим. — Послание римлянам

1 Кор. — Первое послание коринфянам

Евр. — Послание евреям

Отк. — Откровение Иоанна Богослова (Апокалипсис)

Глава 1

Гром гремел так, что содрогались стены старого замка Годоличей, однако в покоях, освещаемых молнией, на раскаты грома никто не обращал внимания. Да и кому было обращать? Разве что измученному болью человеку, прикованному к постели. Его бледное лицо, разгоревшееся от лихорадки, выдавало смятение чувств. *«Человекам положено однажды умереть, а потом суг»*¹ — вспоминались ему слова из Библии. Да, Суд! И не один, а два... Первый, когда человек осуждается собственной совестью, и второй — перед лицом всевидящего Бога.

— Отец, что тебя мучит?

Над больным склонился молодой человек лет двадцати четырех, благородное и печальное лицо которого выражало глубокое страдание.

¹ Евр. 9:27.

— Михаил, сын мой! — горячей рукой больной судорожно сжал руку молодого человека. — Остерегайся греха! Грех — это ужасный бич, страшнее всего он в смертный час. Я умираю, у меня не будет надежды на спасение, когда я предстану перед Богом, Который все знает и видит.

— Отец, не пугай себя детскими сказками! Ты никогда в них не верил. Зачем в смертный час омрачать свою душу? Поверь мне! Я только что из университета, где слушал профессоров-богословов, которые знают Библию лучше тебя. Все они говорят, и я уверен, что в этом они правы, что смерть — всему конец. Человек превращается в прах, в материю, которая вновь изменяется, — в этом заключается вся вечность.

— Подожди, Михаил, не верь им! Этого учения достаточно, пока человек жив, здоров и с надеждой смотрит в будущее. Но перед смертью все выглядит иначе. Я знаю, что мне придется предстать перед Богом и Он будет меня судить, потому что Он все видел. Его взгляд я ощущаю сейчас на себе. Лучше бы мне было не родиться, чем теперь, в сорок семь лет, с такой тяжестью на душе умирать!

Больной вскинул руки и затем судорожно сцепил пальцы на груди.

— Отец, мы одни, тебя никто не слышит, кроме меня, единственного твоего сына. Скажи мне, что тебя так мучит?

Молодой человек опустился на колени у изголовья больного, и тот вновь заговорил.

— Что меня мучит?.. Знаешь, что я надеялся? Твой внучатый дядя лежал при смерти. Когда не было свидетелей, он вручил мне завещание, по которому нам обоим, Степану и мне, доставалось восемьдесят тысяч гульденов. Но я знал, что в письменном столе дяди лежало более раннее завещание, составленное им еще в то время, когда он был зол на

брата. И в том завещании я значился единственным наследником.

Больной замолчал.

— И что дальше, отец? — допытывался, бледнея, молодой человек.

— Я уничтожил последнее завещание и стал единственным наследником, а теперь меня жжет раскаяние за мое преступление. Вернее, оно меня всегда жгло, но особенно с тех пор, как Степан умер. Ах, я и не подозревал, что у него больные легкие. Врачи послали твоего дядю в Италию, но у него на лечение не хватило денег. Если бы я отдал ему завещанные сорок тысяч гульденов, он мог бы оставить преподавательскую работу и побережь свое здоровье. А так он умер, и это моя вина. Из-за меня его жена стала вдовой, а дитя — сиротой. Я умираю, а после смерти мы встретимся: мой дядя, мой брат и я... Разве я смогу оправдаться перед ними? Если бы я мог искупить свою вину! Но как? Сознаюсь — значит опозорить тебя и себя!

— Отец! Это невозможно! — со стоном вырвалось у сына. — Лучше верни им эти сорок тысяч. Хотя у людей могут возникнуть

подозрения, почему ты отдаешь деньги, когда я жив... Я бы сделал все, чтобы помочь тебе, но своим честным именем я не могу поступиться.

— Есть еще один путь.

Больной на мгновение умолк. Его лицо выражало муку, а растревоженная душа, казалось, взывала к милосердию. Молодой человек продолжал говорить:

— Я знаю, что ты хочешь сказать. Теперь я понимаю, о чем ты тогда думал. Как же я мог не догадаться, почему ты хотел меня женить! Теперь, чтобы доказать мою сыновнюю любовь, я должен пожертвовать своей свободой и жениться на Ольге, чтобы вернуть ей деньги, которые причитались ее отцу. Если после смерти вам предстоит встреча, то скажи им обоим, твоему дяде и моему, что я ценой своего счастья искупил твой грех.

— Благодарю тебя, — всхлипнул отец, — да воздаст тебе Бог за твою доброту. Но выдержишь ли ты свое слово?

— Не беспокойся ни о чем. Я телеграммой вызову сюда Ольгу и сделаю все так, как обещал, только не умирай, дождись нашей свадьбы.

Сверкнула молния, и раздался такой страшный удар грома, что старый замок содрогнулся.

Через два часа вошедший в комнату врач обнаружил, что больному стало лучше, и отпустил сына отдохнуть.

— Прилягте, — сказал он, — если сами не хотите заболеть.

— Да, я уже недалеко от этого, — пробормотал молодой человек, закрывая за собой двери. Теперь в его душе бушевала гроза, подобная той, что разразилась над полями и лесами. — Я обещал, теперь ничего не поделаешь. Ах, отец, если бы ты знал, на какую жизнь меня обрекаешь! Ладно, Ольга, я возьму тебя в жены, чтобы вернуть эти проклятые деньги. Я назову тебя госпожой Годолич, но никогда не стану твоим супругом. Никогда! Может быть, тогда ты сама попросишь развода и освободишь меня от оков.

Раскаты грома стихли, буря улеглась, и наступила тишина. Но кто знает, когда уйдет непогода, разыгравшаяся в душе молодого человека этой ночью?

Глава 2

Прошло около пяти недель. Во дворе большого имени Годоличей слышались плач и причитания. Слуги замка оплакивали своего скончавшегося господина, жалея, что он умер в самый разгар свадебного торжества. Пастор благословил молодоженов.

Не успел он завершить заключительную молитву, как в доме начался переполох. В эти дни, когда сын оплакивал отца, слуги — своего господина и все были заняты приготовлениями к похоронам, лишней оказалась только молодая жена. В своей смятой фате и чуть съехавшем набок венке она забилась в угол дивана. Обхватив худыми руками колени, девушка растерянно смотрела по сторонам. Она была очень молода — ей едва было шестнадцать лет. Высокая, но еще не сформировавшаяся и угловатая, она казалась непривлекательной. Черты ее лица были резкими, щеки впалыми, глаза ввалившимися. Белое платье, сшитое провинциальным портным, выдавало в ней сельскую жительницу. Ее ноги и руки

были слишком неуклюжи для изящных белых туфельек и перчаток, а глубокая печаль в ее черных глазах вызвала сочувствие. Однако на лице только что вошедшего Михаила не было сострадания. Его взгляд остановился на фигурке несчастной девушки, и ледяной холод пронзил его сердце при мысли, что он, красавец Годолитч, как его называли в университете, теперь ее супруг. Как же она была ему противна! И с сегодняшнего дня она получила какие-то права на него! Как с ней поступить? Конечно, недавно она похоронила мать и осталась круглой сиротой. От всего сердца он пожалел бы ее, если бы час тому назад ему не пришлось дать ей клятву верности, и это угнетало Годолитча. Не в силах подавить овладевшую им досаду, он подошел к окну.

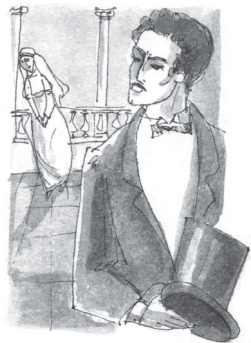
— Иди, Ольга, переоденься! — голос его дрожал.

Она испуганно пролепетала:

— У меня ничего нет. Я даже не помню, где мой чемодан.

— Я позабочусь, чтобы его принесли, — сказал он холодно и удалился.

Через четверть часа Ольга вошла в зал, где лежал усопший, и приблизилась к гробу. Она вспомнила, как дядя ее обнимал и целовал, как радовался ее приезду. Он любил ее, но его нет больше в живых. А она? Зачем она здесь? Что ей делать в этом большом роскошном доме среди чужих людей, которые так странно на нее смотрят? В своем черном платье Ольга стала вовсе непривлекательной. Оглядевшись, она ясно поняла, что ей нет места среди этого богатства. Она выросла в бедности и со страхом ехала в замок Годоличей, где ей очень хотелось побывать. Дома Ольга привыкла помогать больным: сначала долго ухаживала за своим отцом, потом за матерью. Она надеялась, что теперь будет помогать дяде, но он скончался. Что же ей теперь делать? Мужа своего она боялась. Он был так красив, но так холоден и неприступен. Рядом с ним девушка

чувствовала себя такой несчастной, некрасивой. Зачем она только приехала сюда!

Она упала у гроба на колени и заплакала. Никто не подошел к ней со словами утешения. Ольга была здесь для всех чужой. И на всем белом свете не было у нее ни одного родного человека, который мог бы ей помочь. Как жить дальше?

Прошла неделя. Похороны и поминки остались позади. Одной недели было достаточно молодому Годоличу, чтобы убедиться в своей неприязни к навязанной ему супруге. Он отвергал малейшую попытку Ольги приблизиться к нему. Когда она осмелилась с ним заговорить у гроба отца и произнесла слова утешения, робко положив руку ему на плечо, он хотел сбросить ее руку, как гадкого червяка, но его остановило присутствие людей. Ее голос, который он слышал не более трех раз в день, раздражал его своей неуверенностью. А ее сбивчивые ответы красноречивее всего говорили о ее невоспитанности и необразованности, убеждая, что у себя дома она была лишь прислугой и никоим образом

не соответствовала теперешнему положению владелицы поместья.

В день похорон молодой Михаил Годолич уже не старался скрыть свои чувства. С самого начала он хотел дать Ольге понять, какие отношения должны быть между ними, чтобы она не ждала от него любви, уважения и не брала власти над ним. Единственное, что Годолич мог ей дать, были те тысячи, из-за которых он и должен был на ней жениться. Несчастные молодые сердца!

Глава 3

Темные волны Дуная бороздил паролит. Его огни были далеко видны в осенней ноли. На палубе находился лишь один пассажир. Его взгляд был устремлен к родным берегам, будто молодой человек видел их в последний раз. Когда они совсем скрылись из виду, он опустилс на скамью с таким душераздирающим стоном, какой может вырваться лишь из груди измученного человека. И неудивительно! Кто может измерить глубину страданий молодого сердца,

принужденного от отчаяния покидать родину?

Путешественник не замечал, как останавливался пароход, как на палубе появлялись новые пассажиры. Для него ничего не существовало вокруг. Когда его кто-то окликнул, он вздрогнул от звука голоса, проникнутого искренним участием, поднял голову и как будто очнулся. Свет прожекторов выхватил из темноты стройную фигуру молодого человека.

— Дюро, это ты? Не верю своим глазам!

— Да, это я, Михаил!

— Куда ты направляешься?

— В твоё имение!

— Как так? Кто же тебя послал?

— Никто. Просто я получил от тебя письмо. Спустимся в мою каюту, нам надо поговорить.

— Дюро, друг мой! Зачем ты отправился в это путешествие? Оно может тебе повредить, — сказал младший брат.

— А ты куда держишь путь? — спросил старший, присаживаясь на диван.

— В Бразилию. Знаешь, мне вновь предложили там работу, — ответил Михаил, разглаживая свои густые волосы.

— И зачем тебе Бразилия? Разве мало тебе своего имения? Мало тебе родной земли?

— Достаточно, даже в избытке, но... она горит у меня под ногами. Не отговаривай меня, Дюро. Ты знаешь, что я не могу остаться. В своем горе я полностью доверился тебе. Но должен еще добавить: грех моего отца чреват проклятием. Мы понесли большие убытки, так что у меня нет возможности выплатить Ольге ее долю. И пока эти несчастные сорок тысяч не будут положены в банк на ее имя, мне не будет покоя. Все имение я не хочу и не могу продавать, для меня это не просто наследство, а часть души моего несчастного отца. Поэтому я должен заработать деньги за границей и после того, как соберу нужную сумму, вернуться назад.

— А прекрасное имение Годоличей между тем придет в запустение.

— Этого не произойдет. Я попросил твоего отца присмотреть за домом. Чем писать статьи о сельском хозяйстве, которые все равно ни-

кто не читает, пусть лучше применяет свои идеи на практике. Ты ведь его знаешь, он сумеет обо всем позаботиться и даже увеличит состояние.

— А как Ольга отнеслась к твоему намерению уехать?

— Ольга?

Словно туча надвинулась на лицо Годолича. Он махнул рукой, сказав, что не обязан давать ей отчет.

— Но, Михаил, она, хотя и нелюбимая, все же твоя жена.

— Дюро, если бы ты ее знал, то пожалел бы меня и больше не напоминал бы о ней — моем несчастье.

— Так скажи мне, чем она тебе так противна?

— Всем, Дюро. Прежде всего своим внешним видом. И потом, представь себе, у нее нет никакого образования. Я знаю немало глупых женщин, но они, по крайней мере, красивы. Но уродливость и глупость вместе — это слишком. К чему все мои идеалы и мечты, если родной отец привязал меня к такому несносному созданию?

— Сколько же ей лет?

— Она совсем еще дитя, ей шестнадцать. Хотя бы она отличалась детской непосредственностью! Но из нее и слова не вытянешь. Мы почти три месяца прожили рядом, но не знаю, услышал ли я от нее за это время хотя бы сто слов. Она только прибирала, подметала, варила, делала заготовки на зиму, бродя по дому как привидение.

— Михаил, было ли в ее работе что-то особенное?

— Этого я не знаю, но на другую работу она неспособна. Она прислуга по своей натуре.

— Но убедился ли ты, что в ней не скрыто чего-то более возвышенного? Нет ли в ней задатков, которые можно развить?

— Нет, Дюро, уверяю тебя, она — глупая деревенская девушка. Пожалуйста, не говори больше о ней. Я знаю, что она с облегчением вздохнула, когда я уехал, впрочем, как и я...

— Позволь возразить тебе. Если бы я был на твоем месте и однажды пожертвовал собой ради отца, чтобы избавить его от мук совести, я принес бы всего себя в жертву. И

знаешь как? Я поднял бы эту девушку до своего уровня. Если бы я не мог дать ей любовь супруга, то полюбил бы ее как старший брат, помня, что она — моя ближайшая родственница. Я научил бы свою жену мыслить и воспитал бы из нее настоящего друга. Ты с такой легкостью сказал, что она безобразна и глупа. Знаешь, какой это ужасный приговор? Если твоя жена лишена красоты и женского обаяния и, кроме того, ограничена, она несчастна и будет несчастной всю жизнь.

— А что я могу сделать?! — вспыхнул Годолитч.

— Многое можешь. Ты должен помочь ей забыть, что природа ее обделила.

— Перестань, Дюро, тебе легко говорить. Скоро Цора станет твоей женой. Быть может, жениху самой красивой девушки и к лицу читать мне нравоучения.

Лицо Дюро побледнело, он провел рукой по своим каштановым волосам:

— Цора вчера обручилась с Константином Н.

— Дюро, и ты...

Михаил обнял своего брата.

— Я присутствовал на их помолвке и сердечно поздравил их. Моей она все равно бы никогда не стала.

— Отчего же? Разве твоя врачебная практика приносит мало доходов?

— Денег хватает, только дни мои сочтены.

— Не говори так! Болезнь твоя не так далеко зашла, чтобы думать о близкой смерти.

— И все же мне нельзя мечтать о создании семьи, если только я не хочу через несколько лет сделать свою несчастную жену вдовой, а детей — сиротами. Я никому не говорил об этом; ты первый, кому я открыл душу. Поверь, я желаю тебе добра. Совесть заставила тебя и меня отказаться от земного счастья. Нам осталось только выполнить долг перед людьми. И ты, Михаил, должен его выполнить. Ты вернешься домой и полюбишь то несчастное создание, которое все считают твоей женой.

— Ее только так называют, на самом деле она не была мне женой и никогда ею не будет. Если смерть не настигнет меня и я вернусь живым через несколько лет, то лишь для того, чтобы развестись с ней. До тех пор

она — владелица замка Годоличей. Когда я вернусь, она станет богатой и сможет найти для себя подходящую пару.

— Михаил, а если, вернувшись, ты найдешь ее равной себе, ты примешь ее как дар благосклонной судьбы?

— Не понимаю тебя.

— Сейчас объясню. Мой отец зовет меня к себе. Он страдает от мысли, что рано меня потеряет. И он будет меньше страдать, если я буду находиться рядом с ним. Оставшуюся часть моей жизни я хочу посвятить служению людям. Смирившись с мыслью о своей смерти, я хочу помогать жить другим. Если ты не против, я займусь воспитанием Ольги. Разрешить мне это сделать?

Михаил скептически улыбнулся:

— Заранее поздравляю тебя с успехом! Но шутки в сторону, Дюро. Я очень рад, что ты отправишься на мою горячо любимую родину и поселишься в имении Годоличей. Живи в моей комнате и береги себя, чтобы, вернувшись, я увидел тебя здоровым.

— Значит, ты разрешаешь мне заняться Ольгиным образованием?

— От всей души. Если добьешься успехов, это поможет Ольге в дальнейшем. Ведь я ничего не могу ей дать, кроме денег, ради которых обрекаю себя на добровольную ссылку. Если сможешь, дай ей все лучшее, потому что мне не хотелось бы видеть ее несчастной. Если жертва необходима, то пусть я пожертвую собой.

Глава 4

В ту ночь молодая госпожа Годолит сидела у открытого окна и всматривалась в ночную тьму. Сложенные на коленях руки и выражение глубокой печали, застывшее на лице, делали ее похожей на статую. Что волновало ее юную душу?

В доме все давно уснули, а она сидела у окна и мысленно повторяла, уже в который раз, слова из разговора, невольно подслушанного ею вчера вечером. Когда она в одиночестве прогуливалась по саду, до нее донеслись приглушенные голоса, и она в страхе остановилась, не сразу узнав голос Михаила, говорившего дяде Мартыну Тихому:

— Поверь мне, дядя, я не могу иначе. Я становлюсь раздражительным, как только она приближается. Я знаю, что ее нельзя винить за безобразную внешность: не она ее выбирала. Но хотя бы она была не такой ограниченной, глупой и невоспитанной. Если бы она обращала хоть немного внимания на свою одежду и манеры, может быть, ее недостатки были бы не так заметны. Вспоминая своих однокурсниц и сравнивая ее с ними, я спрашиваю себя: какой была ее мать?

— Мать ее была простой, но доброй женщиной. Ей пришлось много выстрадать со своим часто болевшим супругом, — ответил дядя. — После его смерти она столкнулась с горькой нуждой. Понятно, что в таких условиях мать не могла дать хорошее воспитание дочери и научила ее только тому, что сама знала и умела. Сам Годолич не очень старался дать дочери образование, да, наверное, это было ему и не по карману. Молодые девушки,

выросшие в деревенской бедности, почти всегда недалекие. Но Ольга еще так молода. Я позабочусь, чтобы она выучилась. Все образуется. Вернешься, и заживете с ней!

— Никогда, дядя! Не трудись зря! Оставьте ее у плиты на кухне, там ее место. Не лишай ее удовольствия ходить за птицей. Должна ведь у нее быть хоть какая-то радость от того, что она — хозяйка имения!

Эти жестокие слова словно сорвали повязку с глаз молодой Ольги Годолнич. Значит, поэтому он убегает, как только она входит в комнату. И к столу он всегда приглашает кого-нибудь из приятелей, чтобы не разговаривать с ней. Он стыдится ее, потому что она бедно и безвкусно одета, не умеет вести себя, как те студентки, потому что она ограничена! Слова Михаила больнее стрелы пронзили ее сердце. С каким удовольствием она бы училась, если бы у нее были время и возможность! Как часто отец гасил лампу, когда она готовила домашние задания. Ни-

кто и никогда с ней не занимался. Значит, ее дело — птичий двор поместья, половина которого принадлежит теперь ей? Так написано в завещании. Дядя надеялся, что она еще чему-то научится, а Михаил усомнился в этом, он решил сделать из нее прислугу.

Наверное, он уехал надолго, оставив ее здесь, на чужбине. Но он вернется, и тогда она покажет ему, что не так глупа, — она будет учиться. Домашнее хозяйство пусть ведет кто угодно. Если Михаил предложил своему дяде управлять поместьем, тот найдет, кому поручить домашнее хозяйство. Она не будет готовить еду, не будет ходить за птицей, ее не будут здесь унижать. Если половина имения принадлежит ей, тогда она — богатая женщина. Доброму дяде Годоличу она бы служила с благодарностью и смирением, но другим служить не будет!

Так Ольга решила вчера. И сегодня она впервые ни о чем не заботилась. Когда утром, уходя, Михаил небрежно подал ей руку, она едва коснулась ее кончиками пальцев. До обеда она раскладывала по шкафам и комодам вещи своей матери и не выходила из комнаты, пока не позвали к обеду. Потом она по-

шла в сад прогуляться и, вернувшись к полднику, велела принести себе еду в комнату и до самого вечера неподвижно лежала на диване. Когда в комнату вошел дядя Мартын и приветливо с ней заговорил, она чуть не расплакалась. Дядя, наверное, тоже считает ее глупой. Слезы душили ее, и, оставшись одна, Ольга горько расплакалась. Оплакивала она свою судьбу, свое безрадостное детство и сегодняшний день, прожитый впустую. Как ужасна была бы жизнь, если бы ее пришлось прожить так, как сегодня! И все-таки быть в этом доме прислугой она не хотела.

Глава 5

Господин Мартын Тихий уронил от неожиданности ручку, когда кто-то подошел сзади и обнял его. Так могли обнимать только руки сына.

— Дюро, мой Дюро, это ты или только сон?

— Нет, отец, это не сон.

— Ты приехал ко мне или к Михаилу? Если к нему, то три дня назад он уехал. Жаль, что

ты не застал его дома, может быть, тебе удалось бы отговорить его от поездки.

— Мы встретились с братом в дороге. Однако, что я вижу, отец, ты сидишь над счетами! Неужели дела так плохи, как мне говорил Михаил?

— Довольно плохи, сынок. Наверное, старый Фома Годолитч в последнее время и в самом деле был не в себе. Прежде такой осмотрительный, он допустил одну за другой несколько ошибок. Но все можно было бы исправить, если б не его последний, роковой шаг, который и сделал Михаила несчастным на всю жизнь!

— А что Ольга, отец, как она?

— Не знаю, что и сказать о ней, сынок. Она для меня загадка. Поначалу мне казалось, что ее интересует хозяйство. Но после того как уехал Михаил, она стала ко всему равнодушна, не занимается кухней, не ухаживает за птицей, лишь запирается у себя в комнате или идет гулять. Раньше я защищал ее перед Михаилом, но теперь догадываюсь, почему он, бедный, сбежал от нее в Бразилию. Она очень несимпатичное создание и

вовсе не пара нашему красивому юноше. Однако оставим их в покое. Раздевайся, присаживайся. Надолго ты к нам?

— Этого я еще не знаю, отец, время покажет. Ты меня звал, и вот я здесь. Михаил предложил мне свою комнату. Не обнимай меня так крепко, отец... У тебя на глазах слезы?

— Дюро, радость моя! Такая неожиданная радость! Пойдем же со мной!

Вскоре все узнали, что в имение приехал доктор Тихий, чтобы остаться в нем. Все, конечно, обрадовались. Кузен и друг молодого хозяина всегда был здесь желанным гостем, тем более теперь, когда старик умер, а молодой барин из-за своей неудачной женитьбы вынужден был оставить отцовский дом и уехать на чужбину. Все сочувствовали молодому хозяину. Хотя прислуге никто ни о чем не говорил, все догадались, что сорваться с места его заставило присутствие этой, столь неприятной ему, молодой особы. Как хорошо, что хоть господин доктор приехал!

Примерно через час дядя Мартын постучал в дверь комнаты своей племянницы:

— Дитя мое, хочу тебе сообщить, что приехал мой сын, о котором я тебе вчера рассказывал. По желанию Михаила он поселится в его комнате. Я сообщаю тебе об этом, так как он хочет здесь остаться, если ты ничего не имеешь против.

— Я?.. Я думаю, что не должна иметь своего мнения об этом. Делайте, что хотите.

— Я не пришел просить у тебя разрешения, — возразил дядя Мартын несколько раздраженно. — Я лишь хотел попросить быть с моим сыном поласковее, чем с остальными. Он не заслужил плохого обращения.

— У господина доктора не будет повода на меня обижаться, — ответила она холодно. — Я вам обоим чужая и с сегодняшнего дня, чтобы вам не мешать, могу даже не выходить из своей комнаты. Впрочем, вы остались за хозяина дома, и прислуга, выполняя ваши приказы, будет относиться к господину доктору так, как он привык.

— Хорошо.

Дядя Мартын поклонился и вышел. Лишь одно уязвимое место было в сердце этого человека — его сын. Обиду, нанесенную груби-

янской, он, наверное, не скоро сможет забыть. Как она смела сказать, что не намерена оказывать гостеприимство его сыну! Через несколько минут Мартын увидел, как Ольга, закутавшись в платок, вышла в сад. Что же она там делала?

Закрыв за собой калитку, она подошла к старому, разбитому молнией дереву, села на него, словно в кресло, и, достав из сумочки книгу, принялась за чтение. На землю опускался осенний туман, стаи ворон кружились над головой девушки. С этого места можно было рассматривать башни старинного замка, построенного на берегу Дуная, и господский парк, который простирался до самого берега реки. Но Ольга, углубившись в чтение, ни на что не обращала внимания. Она не замечала, как взвихренные ветром красные и желтые листья прилипали к ее платью. Не слышала она, как кто-то тихо подошел к ней и теперь стоял рядом, заглядывая в книгу через ее плечо. Лишь когда приятный голос сказал: «Добрый вечер!», девушка испуганно обернулась. В первое мгновение она хотела спрятать книгу, но потом закрыла страницу ладонями.

— Добрый вечер, — ответила Ольга холодно.

Она догадывалась, кто это был. Наверное, брат Михаила. И украдкой оглядела его. На Михаила он не походил: ни красоты, ни надменности. Лицо у этого человека со стройной фигурой было очень бледное, глаза большие и синие, а волосы густые, каштановые и еще короткая бородка. Особое внимание обращали на себя его белые ухоженные руки.

— Вы нашли себе хорошее местечко, Ольга, — заговорил он с ней, как со старой знакомой. — Разрешите представиться: я — доктор Тихий, ваш кузен и на некоторое время ваш домочадец... Хорошо, — продолжил он, не обращая внимания на ее равнодушный вид, — что вы снова просматриваете свои учебники. Повторение — мать учения. Если я не ошибаюсь, у вас в руках география. Это был, наверное, ваш любимый предмет?

— Да, я очень любила географию, но еще больше ботанику, — ответила она.

— Я тоже, — поддержал он ее, — поэтому и решил стать врачом. И теперь мне хотелось бы лечить людей в вашей округе. Вы мне по-

можете в этом? Я слышал, что вы хорошо умели ухаживать за своими больными родителями.

— Мне не хватает знаний, но, если вы мне скажете, что надо делать, охотно помогу. Там, в долине за рощей, стоит хижина, где живет одна очень больная женщина. Вы не могли бы посетить ее?

— С огромной радостью, если вы меня туда проводите.

Ольга встала.

— Но она очень бедна, — робко добавила она.

— Я намереваюсь лечить вообще бесплатно.

— Странно, другие врачи этого не делают, — заметила она с горечью.

— А я — исключение.

Перед тем как вернуться домой, они решили погулять по лесу. И через час уже сидели в уютной гостиной замка у догорающего камина. Хотя стояла ранняя осень, в комнатах было довольно прохладно.

— Как здесь хорошо, — сказал молодой врач. — Ольга, можно попросить вас уделить

мне немного внимания? Я хотел бы вам кое-что сказать.

Она удивленно посмотрела на него, затем утвердительно кивнула и, когда он сел в кресло у камина, опустилась на низенькую софу, которая как будто была сделана специально для нее.

— Ольга, мне очень нужна сестра. Вы смогли бы мне заменить ее?

— Я? — переспросила она, смутившись, и почувствовала, как потеплело у нее в груди.

— Да, вы. Вы одиноки и знаете, несмотря на вашу молодость, что значит страдать, и меня в жизни ждут только страдания.

— Но почему? — она невольно придвинулась к нему.

— Я неизлечимо болен.

— Правда?!

Ольга растерянно посмотрела на него, и в ее глазах заблестели слезы.

— Я единственный сын у отца, его последняя надежда. И он делает все, чтобы я выжил. Я пока не похож на больного и, наверное, не скоро буду иметь болезненный вид, поэтому поведение отца может показаться вам странным, а мое — эгоистичным. Думая так, вы были бы не правы. Вы здесь хозяйка, и от вас зависит, как я буду чувствовать себя в замке. Если вы станете мне сестрой, то присутствие больного, которому иногда необходимы внимание и забота, вам не будет в тягость. Как врачу мне приходилось видеть, что может сделать любовь сестры. Когда мы были в лесу, мне пришла в голову прекрасная мысль. В детстве я всегда мечтал стать учителем. Вы еще очень молоды, а из-за раннего замужества лишились возможности учиться дальше. Но ведь учиться вам необходимо. Я буду вам очень признателен, если вы примете меня как брата и как учителя. Меня бы это немного отвлекло от мрачных мыслей, и я меньше бы думал о своей болезни. И вы тоже выиграли бы от этого. Можно попросить вас дать мне воз-

возможность с пользой прожить оставшиеся мне здесь, на земле, дни?

— Пожалуйста, не просите! — взмолилась она. — Я все сделаю для вас. Однако вы ошибаетесь. Все считают, что я ограниченная и глупая, ничему не могу научиться и что мое место на кухне.

Голос Ольги дрожал от обиды, но доктор сделал вид, будто не понял ее.

— Учитель может оценить ученика лишь во время занятий. Что касается кухни, то я, как врач и химик, должен защитить вас. Раньше я часто готовил и сейчас был бы не прочь, если бы не мои легкие. Я считаю, что хорошо приготовленная пища — лучшее лекарство от многих болезней. Я бы на вашем месте внимательно следил за здоровьем ваших домашних.

— Значит, вы не считаете это прислуживанием? — допытывалась Ольга. Лицо ее ожило и стало очень милым и симпатичным.

— Нет, конечно. Такое «прислуживание» называется любовью и заботой. Посмотрите на меня: я еще молод, и все же мне не хватает одного, но очень важного для жизни — здо-

ровья. Сохранение или восстановление здоровья людей важнее всех научных изысканий. Надеюсь, что вы теперь по-иному относитесь к своим кулинарным занятиям. Мне лично они могут принести облегчение, даже продлить жизнь.

— Вам? — от волнения она покраснела. — Если вы мне расскажете, как вам нужно питаться, я с радостью займусь этим.

— Скажу, если вы примете меня как брата и позволите быть вашим учителем.

Он протянул ей руку.

— А теперь скажите мне, что с вами, что у вас болит?

— В данный момент ничего, сестричка. Мне здесь, у камина, так хорошо, будто я в Италии. А вообще у меня часто бывают боли в груди и в спине.

— Но кашля у вас, по-моему, нет?

— Вообще-то нет, только когда простужаюсь. Вот тогда мне плохо, и в боку бывают сильные боли.

— Может быть, вы приляжете на кушетку? — произнесла она заботливо.

— С удовольствием, если мы пододвинем ее поближе к камину.

— В таком случае вот эту скамеечку я поставлю вам под ноги, а под спину положу подушку, чтобы вы могли откинуться на нее. У моего отца были больные легкие, и он страдал от сильной боли в спине.

Когда Дюро, позволяя проявить о себе заботу, на мгновение задержал в своей руке ее маленькую руку, которая заботливо поправляла подушку, тень странной, почти победной улыбки скользнула по его лицу.

— А теперь я приготовлю вам чай, какой настаивала на горных травах для моего отца. Он обязательно принесет вам облегчение. Может, вы немного отдохнете с дороги.

Врач даже не заметил, как она упорхнула, словно добрая фея из сказки.

— Дюро, что ты с ней сделал? — вдруг прозвучал над ним удивленный голос отца.

— Это ты, отец? Ты видел, как она за мной ухаживала?

— Конечно, я не верю своим глазам. Поэтому и спрашиваю: что ты с ней сделал?

— Ничего особенного. Я только коснулся струн ее женского сердца, и оно отозвалось участием. Помоги мне, отец, воспитать Ольгу

до возвращения Михаила. Поверь, что за ее невзрачной внешностью таится прекрасная душа и скрывается благородный характер. Ведь она еще ребенок. Ты всегда уговаривал меня лучше питаться, и теперь, когда вы оба со мной, я смогу это делать. Ольга в детстве недоедала, а здесь от тоски и вовсе перестала есть. Я позабочусь, чтобы и она, хорошо питаясь, набралась сил и окрепла.

— Ну, ну, попробуй! — ответил отец добродушно, а про себя подумал: «Как бы ты не разочаровался, сынок».

— Нет, наша госпожа все-таки странная! — шушукались слуги первые две недели после приезда доктора. — Как погода в апреле! И сколько это у нее продлится? Конечно, если бы все так и оставалось, нам было бы неплохо. С тех пор как она следит за кухней, нас кормят намного лучше. И всюду порядок. Для господ она обычно готовит сама, потому что молодой доктор болен. А после обеда они учатся по книжкам. Как в школе! А вечером она по его рецептам готовит лекарства и делает порошки. Как в аптеке! И вообще, она ста-

ла совсем другой, более общительной. Интересно, здоровы ли наши дети, а если кто из них захворает, она сразу приходит на помощь.

Да, эта молодая женщина была, как цветок, который увядал в тени, но вдруг, оказавшись на солнце, начал тянуться к свету и раскрывать свои лепестки. Господин Мартын давно забыл, что сердился на Ольгу. Она так хорошо ухаживала за его сыном, что Дюро заметно поправился и теперь, невзирая на ранние холода, ежедневно навещал больных.

Глава 6

 Ольга, пожалуйста, поедem сегодня со мной, — попросил ее как-то Дюро. Стоял ясный зимний день. Кони нетерпеливо били копытами. Доктор и Ольга в санях помчались по заснеженной долине.

— Почему ты велел мне надеть меха и лучшее платье? — спросила она доктора, почувствовав на себе недоуменный взгляд кучера.

— А потому, что мы едем навестить мою больную. Это баронесса, наша соседка. Она

давно хотела с тобой познакомиться и просила привезти тебя.

— Но зачем я ей, Дюро? Она дворянка, привыкла к изысканному обществу.

— Ничего не бойся. Она очень мудрая и обаятельная женщина. В ее доме живет молодая компаньонка — истинная благочестивая англичанка. Возможно, тебе будет интересно. Баронесса тоже долгие годы жила в Лондоне, как жена польского дворянина, аккредитованного послом. И, признаться, по сравнению с ними мы — безбожники.

— Вот как? Но, Дюро, рядом с ними я буду чувствовать себя неуклюжей и необразованной.

— Ты должна учиться не только по учебникам. Тебе необходимо общение с благородными дамами, у которых ты можешь кое-что перенять.

— За одно короткое посещение я немногому научусь.

— Ты можешь бывать у них чаще. Позаботься о том, чтобы они сочли тебя приятной и нужной.

Сердце молодой женщины тревожно билось, когда она очутилась в прекрасно обставленной спальне, отгороженной портьерами от гостиной. На удобной софе лежала уже немолодая дама и слушала песню, которую исполняла другая женщина под аккомпанемент фортепиано. Ольгу поразило одухотворенное лицо госпожи Замойской. Хозяйка дома с такой сердечностью протянула гостье свои нежные руки, что у Ольги сразу исчез всякий страх. Она невольно склонилась и робко поцеловала ее почти прозрачные пальцы.

— Добро пожаловать, милое дитя, — обратилась дама к Ольге. — Доктор Тихий обещал привезти вас сюда. Как мило с его стороны, что он выполнил свое обещание, а также с вашей стороны, что вы приехали.

Звуки фортепиано умолкли, и из-за портьеры появилась молодая светловолосая англичанка приятной наружности. Дамы были представлены друг другу: «Госпожа Руфь Морган. Госпожа Ольга Годолич».

Пока доктор беседовал со своей пациенткой, молодые женщины перешли в салон.

— Вы так хорошо играли и пели, госпожа Морган, — робко заметила Ольга.

— А вы тоже играете и поете, госпожа Годолитч?

— О нет, я начинала учиться играть на рояле, но заболел мой отец, и мне, чтобы ухаживать за ним, пришлось прервать занятия, а после его смерти и вовсе прекратить. Мне так хотелось учиться...

— Дорогая госпожа Годолитч, здесь есть рояль, а у меня достаточно свободного времени. Если ничто не помешает, я с радостью продолжу с вами занятия. Музыка — это Божий дар. Она дана нам на земле для утешения. Музыкой мы можем прославлять нашего Господа Бога.

— О, я бы с удовольствием стала заниматься. Но понравится ли это госпоже баронессе?

— Моей госпоже? — улыбаясь, переспросила молодая дама. — А вы у нее сами спросите об этом.

— Она, наверное, очень добрая?

— Она ученица Того Господа и Учителя, сердце Которого наполняет только любовь.

— Какого «Господа»?

— Иисуса Христа. Вы Его тоже любите, госпожа Годолич?

— Я? — смешалась Ольга. — Я слышала о Нем, но никогда не думала о том, что Его нужно любить. Он ведь так далеко от нас.

— Мы надеемся, что от меня и моей госпожи Иисус не очень далек. С Ним мы начинаем и заканчиваем день. Он всегда в наших сердцах.

В этот миг доктор позвал их, и дамы вернулись к баронессе.

— Ах, милое дитя, садитесь поближе ко мне. Сейчас Руфь принесет нам что-нибудь поесть, а вы останьтесь со мной, меня это развлечет. И пока господин доктор будет осматривать нашего заболевшего садовника, мы посидим здесь.

— О, госпожа баронесса, прошу вас, если я буду задерживаться, не ждите меня. Ваше угощение я попробую позже, а вам срочно

нужно подкрепиться, — сказал Дюро и вышел из комнаты.

— Ну вот мы и одни, — обратилась баронесса к Ольге, проводя рукой по гладко зачесанным волосам молодой гостьи. — От доктора я узнала, как хорошо вы умеете ухаживать за больными, думаю, что с вашей соседкой, у которой слабое здоровье, вам некогда будет скучать.

— Мне очень приятно это слышать, — произнесла Ольга, — только вам будет скучно со мной, госпожа баронесса.

— Не думаю. Расскажите мне о вашей жизни, а в другой раз я вам расскажу о моей.

И Ольга, обычно молчаливая, открыла свое сердце баронессе. Кроме воспоминаний о детстве, она мало что могла рассказать о своей жизни. Ведь все, что любила, она похоронила в юности.

— Дитя мое, — спросила вдруг баронесса, — а где ваш супруг?

— Он недавно уехал в Бразилию.

— Благополучно ли он добрался?

— Этого я не знаю, — грустно ответила Ольга.

— Вы еще не получили от него известий?

— Нет и вряд ли когда-нибудь получу, — пробормотала она.

— Вы сердитесь на него? — ласково спросила баронесса.

— Нет, госпожа баронесса, он сердится на меня.

— А чем вы перед ним провинились?

— Поверьте, ничем. Но он не хотел брачного союза со мной, я тоже его не искала. Мы лишь выполнили волю его умирающего отца. До свадьбы мы ни разу не встречались, а когда я появилась у них — такая, как он сказал, некрасивая и глупая, то он не вынес моего присутствия и уехал из дома.

Одинокая слеза скатилась по бледной щеке Ольги. Баронесса стерла ее своим платочком.

— Не беспокойся, дитя мое, Господь Иисус все устроит наилучшим образом. То, что ваш муж вас не любит, конечно, очень печально. Но Сын Божий любит вас. И то, что вы говорили о глупости и необразованности, неверно. Не тот глуп, кто не мог учиться, а тот, кто учиться не хотел. А вашу внешность мы сде-

лаем более привлекательной. Вот, например, эта прическа вам не к лицу, как и фасон вашего платья. У моей Руфи хороший вкус, и она поможет вам стать элегантной. Вы с ней подружитесь и многому научитесь.

— О, такой изящной я никогда не стану, — печально вздохнула Ольга.

— Этого вы не можете знать.

— Госпожа Морган предложила мне брать у нее уроки игры на рояле, если вы позволите.

— С радостью, дитя мое. Приходите хотя бы через день, так как ежедневно вам не позволят ваши обязанности. Вы будете учиться не только музыке, но и английскому языку. А вот и кофе. Значит, решили: зимой вы будете прилежно учиться, а как только наступит весна, я возьму вас с собой в путешествие, если только Господь вернет мне здоровье...

— Ну что, Ольга, ты все еще сердишься, что я повез тебя к баронессе? — шутливо спросил доктор на обратном пути.

— О нет, Дюро, я так тебе благодарна. Я не предполагала, что на свете есть такие добрые люди.

— А знаешь, почему они так добры? Они полюбили Иисуса Христа, приняли Его в свои сердца и впустили в свои жизни.

В то самое время в замке госпожи Замойской Руфь Морган преклонила колени у постели своей госпожи, и баронесса молилась: «Господи, мы благодарим Тебя за возможность привести эти две дорогие души к Тебе. О, спаси их поскорее, особенно милого доктора. Ведь он признался, что давно жаждет Света, и он, кажется, не совсем здоров. Пробуди к жизни также это бедное дитя и употреби ее как орудие Твоей милости. Спаси также и ее несчастного мужа. Сохрани его от греха. Открой ему глаза и соедини вновь то, что разлучил грех!»

Глава 7

Шесть долгих лет пролетели, как быстрые птицы. Лишь иногда возникает легкая грусть, оттого что прошлое нельзя вернуть.

Снова волны Дуная качали корабль, только сейчас была не осень, а прекрасная весна. Михаил Годолич стоял на палубе и любовался восходом солнца. Он возвращался на родину, по которой так тосковал на чужбине. Теперь он мог вернуться домой. Благодаря его неустанному труду и стараниям дяди Мартына в банке на счету Ольги лежало сорок тысяч, а отцовское имение было избавлено от долгов. С чистой совестью он мог теперь предстать перед своей женой, вернуть ей то, что незаконно присвоил отец, и разорвать этот вынужденный брачный союз.

По другую сторону океана Михаил Годолич приобрел не только земное богатство, но и другую «драгоценную жемчужину». Он покидал свою родину безбожником, а возвращался с гордым сознанием, что стал христианином — членом Международного христиан-

ского союза молодых мужчин, активной и деятельной организации. «Ты, муж, почему знаешь, не спасешь ли жены?»¹ — написано в Библии. И выше: «Если же неверующий хочет развестись, пусть разводится; брат или сестра в таких случаях не связаны»². Ведь их брак с Ольгой и не был настоящим браком — они никогда не принадлежали друг другу. Все обещания перед священником, которые они произносили во время бессмысленной церемонии, были против Божьей воли. Эти грешные, недостойные узы следует разорвать. От всего дурного, что было в прошлой жизни, его очистила вера, кровь Сына Божьего.

Из дядюшкиных писем Михаил знал, что Ольга сильно изменилась. Но после того как он ответил на первое письмо Дюро, о ней больше не присылали никаких известий, даже не упоминали, и это было важнее всего для Михаила. Наверное, Дюро тоже разочаровался в Ольге, и свою жену он встретит такой, какой она была в день его отъезда, и сра-

¹ 1Кор. 7:16.

² 1Кор. 7:15.

зу же поспешит вернуть ей свободу. Одно лишь ему хотелось сделать перед расставанием: рассказать ей об Иисусе Христе. Ее будущее он обеспечил. Если Ольга снова выйдет замуж, он не будет считать этот шаг грехом. Он же хотел оставаться свободным и, следуя совету апостола Павла, не искать другой жены. В Бразилии он знакомился с христианками из Америки, но все они не соответствовали его новому представлению об идеальной женщине.

Корабль приближался к родным берегам. Как Михаил стремился к желанной свободе, о которой мечтал шесть долгих лет!

На пристани его ждала повозка из замка Годоличей. Незнакомый кучер почтительно приветствовал его и передал письмо от дяди Мартына, в котором тот извинялся, что обстоятельства не позволяют ему встретить Михаила лично. Кучер уложил багаж, и они двинулись в путь. Наконец вдали показался отчий дом. И скоро можно было рассмотреть парадный вход и увитую виноградом лестницу на второй этаж. Молодой человек улыбнулся: видно, здесь распоряжался человек,

которому не чужда романтика. В верхнем окне показался седой мужчина и, увидев повозку, замахал шляпой. У Михаила потеплело на сердце. Он дома! Еще несколько мгновений — и он в объятиях дяди. Вскоре оживленный голос молодого хозяина слышался уже в украшенной цветами прихожей, где все было в образцовом порядке. Весь дом дышал уютом, и, войдя в свою комнату, Годолич едва узнал ее.

— Значит, Дюро меня здесь не ждет? Ведь он теперь врач у Замоиской?

— Да, два года назад баронесса открыла частную больницу, и теперь у него там хорошая работа.

— А как его здоровье?

— Слабое, как всегда. Но зимний отдых в Италии, куда он сопровождал дам, пошел ему на пользу. Он заметно окреп.

— А как Ольга? — нехотя спросил наконец Годолич.

— Ты мне не позволил ее предупредить, и ее как раз нет дома. Баронесса на прошлой неделе уехала в Англию, и Ольга замещает ее в Орлице.

Михаилу хотелось спросить, в чем же она может заменить благородную даму, но дяде, как ему показалось, не хотелось больше говорить об этом.

Глава 8

А теперь я должен пойти к ней. Как христианин, я ради Господа обязан себя превозмочь», — размышлял Михаил час спустя, после того как обошел свои владения. Везде были заметны перемены к лучшему. Если бы кто-нибудь увидел его шагающим через долину к замку Замойской, то невольно подумал бы: «Куда он так спешит?»

«Как бы мне хотелось, чтобы эта встреча была уже позади!» — думал он. День клонился к вечеру. Ему в лицо веяло весенней свежестью. Когда молодой человек ступил на мост, перекинутый через Дунай, лучи заходящего солнца ласково коснулись его красивого лица, на котором оставили отпечаток шесть лет нелегкого труда. Он заметно изменился, возмужал. Когда он открывал ворота парка, теплый весенний ветер, словно при-

ветствуя, встретил его сладким ароматом цветов. Михаил ускорил шаг. Этот весенний ветер навевал воспоминания о несбывшихся мечтах, но сейчас ему рано мечтать. Его ждет суровая жизнь, полная самоотречения.

Михаил быстро поднялся на террасу, приютившуюся в тени цветущих каштанов. Там он неожиданно остановился и, смутившись, неловко поклонился даме, стоявшей перед ним в лучах заходящего солнца. Ему показалось, что никогда в жизни он не встречал более очаровательной и стройной женщины. Ее тонкий стан мягкими складками облегал платье бежевого цвета. На грациозной головке были красиво уложены роскошные светлые волосы. Лицо ее привлекало не столько классической красотой, сколько одухотворенностью. За такой внешностью чувствовалась прекрасная душа и неподдельная искренность. К ее нежно-розовым губам подошла бы улыбка, но сейчас ее не было — на милом лице было написано замешательст-

во. Как бы нехотя и с гордым самообладанием она ответила на поклон молодого человека.

— Я — Михаил Годолич, — представился он. — Мне хотелось бы повидать моего кузена Дюро Тихого. Не подскажете ли, где я могу его найти?

— Его сейчас нет дома, — услышался несколько сдержанный ответ.

Михаил смутился. Он не знал, с кем говорит и как следует обращаться к этой милой даме. Но если это жена Дюро, то она должна понять, что он пришел также и к ней.

— Мне, собственно, нужно было поговорить с Дюро и попросить его, чтобы он проводил меня к Ольге Годолич... — он замялся, понимая, что не в силах произнести «моей жене».

Она взглянула на него и улыбнулась:

— Шесть лет — немалый срок, а люди меняются так быстро. Неудивительно, что ты меня не узнал, — ответила она.

— Ольга, это ты?! — воскликнул он в полном замешательстве. — Таких перемен я, конечно, не ожидал...

— Ты тоже изменился. Дядя Мартын не предупредил меня о твоём приезде. Иначе я могла бы пораньше освободиться и встретить тебя. Ты, наверное, знаешь, что я замещаю госпожу Замойскую.

— Значит, ты не пойдешь со мной домой? — спросил он угрюмо.

— Я должна выполнять свои обязанности.

Михаил украдкой наблюдал за Ольгой, когда она шла рядом с ним, — уже не как привидение, а как венец творения, как женщина в расцвете своей красоты.

Она вежливо расспросила, как он добрался, не страдал ли от морской болезни. Он вынужден был признаться, что эта болезнь не пощадила его и что перед отъездом на родину он болел лихорадкой.

— Руфь и я тоже сильно страдали от морской болезни во время последней поездки в Англию.

— Когда ты успела побывать в Англии? — спросил он удивленно.

— В прошлом году.

— И как долго вы там были?

— Почти пять месяцев.

— Тогда мы можем говорить на английском языке, — пошутил он.

— Почему бы и нет? Мне нравится этот язык, — переходя сразу на английский, ответила она с безупречным произношением.

— Ты ездила с баронессой? — допытывался он.

— Да, она так добра. Руфь и я посещали медицинские учреждения, где изучали разные методы лечения, чтобы затем использовать их в нашей больнице.

— А где ваша больница?

— С террасы ее не видно, она находится на берегу Дуная.

— Ты сказала «наша больница». Кто же там работает, кроме тебя?

— Сиделками руководит Руфь, аптекой и кухней заведую я, — ответила Ольга, немного покраснев.

— Как ты справляешься с такой ответственной должностью? — удивился Михаил.

— Я сдала экзамен на фармацевта и могу готовить лекарства.

Он все больше и больше удивлялся ее умению вести разговор. Он слушал с таким восторгом, что даже не заметил, как оказался в светлой комнате, украшенной цветами. Ольга предложила Михаилу стул и сама непринужденно села на софу, позвонив перед этим. Когда вошел слуга, она обратилась к нему:

— Поставьте на стол еще один прибор. Если господин доктор не придет ужинать к семи часам, то мы не будем его ждать. Передайте, пожалуйста, госпоже Руфи, что у нас в гостях господин Годолич.

Слуга вежливо поклонился и вышел.

— Я не намерен злоупотреблять гостеприимством незнакомой мне госпожи Замойской, — стал отговариваться Годолич.

— Ты в гостях не у нашей дорогой госпожи, а у персонала больницы.

— Разве доход, который приносит больница, так велик, что эта дама может содержать столь изысканный персонал?

— Доходы немалые, но и расходы большие, потому что бедных мы лечим бесплатно и отдаем крупные суммы за обучение наших сестер милосердия. А вот «изысканный пер-

сонал» ей ничего не стоит, за исключением разве что доктора. Любая работа достойна вознаграждения. Руфь получает жалованье как компаньонка госпожи Замойской, а вот больным мы с ней помогаем бесплатно, из любви и благодарности к Иисусу Христу.

Михаил вздрогнул, услышав ее последние слова. Как она сказала? Он еще не засвидетельствовал ей свою веру, а она уже с такой легкостью произнесла это имя. После появления слуги, пригласившего всех к столу, разговор прервался. Через стеклянную дверь они прошли на веранду, откуда открывался прекрасный вид. Волны Дуная, струившиеся вниз, отражали лучи вечерней зари. Вскоре все небольшое общество было в сборе: две молодые дамы, одна обворожительнее другой, две приветливые сестры милосердия, управляющий помещьем Орлица, казначей больницы господин Николич и молодой студент Мраз. Один стул остался незанятым. Слуга поставил самовар на столик рядом с хозяйкой. В тот момент, когда Руфь сложила руки для молитвы, открылась дверь и вошел доктор. Все склонили головы, и благодарственная молит-

ва вознеслась к небу. Доктор также молился, закрыв глаза. Михаил онемел от неожиданности, переводя взгляд с одного лица на другое, пока наконец не остановился на Дюро. Какое оно было бледно-прозрачное, с синими жилками на висках. Но в глазах Дюро, устремленных на Михаила, было выражение сердечности и любви, в них светилось что-то неземное, что-то почти небесное. В следующее мгновение братья заключили друг друга в объятия!

За ужином завязалась интересная беседа. Только умные и образованные люди могут так беседовать друг с другом, более того, как понял Михаил, — лишь истинные христиане! Но как Дюро и Ольга пришли к вере? Это вызывало у Годолича недоумение.

После ужина Руфь села за пианино, господин Николич взял скрипку. Дамы обступили музыкантов — и к небу взметнулась радостная хвалебная песнь.

— Теперь скажи, Дюро, как все это понимать? — Михаил обнял друга, сидевшего рядом с ним на диване.

— Знаешь, мы нашли Иисуса Христа, и Он сделал нас счастливыми, особенно меня. Про-

сти, Михаил, я давно должен был засвидетельствовать тебе веру и спросить, нашел ли ты истину. Все эти годы мы молились за тебя.

— Нашел, Дюро, и в этом нет ничего удивительного. Я не все время находился в Бразилии, а некоторое время жил в Северной Америке. Там у меня появилась возможность присутствовать на больших евангельских собраниях. А как вы нашли Иисуса Христа?

— По соседству с нами жили две христианки, остальное нам открыл Дух Божий и Божье Слово. Однако, брат, ответь мне еще раз, спасен ли ты?

— Я перешел на сторону Христа.

Мужчины умолкли, слушая пение. Вскоре гости, поблагодарив за прекрасный вечер и за приятное знакомство, разошлись.

— Ты в больницу? — спросил доктор Ольгу, за которой только что пришла кухарка.

— Да, Дюро, только сначала мне нужно выдать лекарства и составить меню на завтрашний день.

— Я подожду тебя, и мы пойдем вместе.

— Хорошо, я скоро вернусь.

Михаил и Дюро вышли на веранду и сели в плетеные кресла.

— Дюро, мой друг, как твое здоровье?

— Очень хорошо, брат.

— Я вижу, что духовно — хорошо, а физически?

— Мне стало лучше.

— Вот видишь! А ты говорил, что вряд ли дождешься меня. Скоро ты совсем выздоровеешь!

— Наверное, ты прав, — улыбка появилась на бледном лице Дюро. — А теперь расскажи мне, как тебе здесь, дома?

— Все отлично! Я твоему отцу многим обязан.

— Верно, отец очень старался, но Ольга помогла ему достичь всего этого.

— Разве она, такая важная дама, продолжает заниматься хозяйством?

— Ольга — дама? Я так не считаю, просто она правильно поняла значение слова «служить». Но зачем я говорю тебе об этом? Скоро ты сам все увидишь.

— А тебя не интересует мое мнение о произошедших в ней переменах?

— Переменах? Это верно. Мы забыли то необразованное, забитое дитя, привыкли видеть в ней нашу сестру и любить такой, какой сотворил ее наш Небесный Отец. Тебе она кажется необычной?

— Ты сдержал, Дюро, данное мне обещание. Я вынужден взять назад мои слова, сказанные тогда на корабле. Ольга была просто подростком и теперь превратилась в прекрасную женщину. Но сознайся, что ты усиленно занимался ее воспитанием.

— Да, брат. Сначала я делал это для тебя, потом для себя, потому что это вносило разнообразие в мою печальную жизнь, а потом, когда я узнал ее истинную сущность, занимался с нею для нее самой и, наконец, для Господа, Которому я хотел подарить верную ученицу. И это, наверное, было самое лучшее. Поверь, мало кто из учителей добивался таких блестящих результатов, как я. Конечно, не только мое воспитание превратило ее в столь милое создание. Мне помогли в этом две женщины, которым удалось придать женское обаяние ее чуткому, еще неопытному сердцу. Однако ни они, ни я ничего бы не до-

стигли, если бы не Христос, Который был для нее Учителем и Другом.

— И чем она отблагодарила тебя за твои старания? — спросил Михаил с легкой иронией.

— Она — меня? Мой дорогой друг, ни у одного больного не было более милосердной и верной сестры, чем у меня. Без ее умелого ухода ты вряд ли застал меня в живых. Вот увидишь, когда она вернется сюда, то принесет мой плащ, который я забыл. А вот и она... ну что, я не ошибся?

Молодая женщина держала в руках плащ.

— Дюро, ты забыл свой плащ, а воздух уже сырой, — сказала она, и в голосе ее звучала нежность сестры.

Михаил испытал как будто легкий укол зависти. Конечно, Дюро заслужил любовь, а за

что Ольге быть признательной мужу, если он не сделал ни одного шага ей навстречу. В вестибюле больницы они расстались. Михаил с Дюро поднялись наверх, а Ольга задержалась на первом этаже. Когда Дюро показывал гостю приемную для больных, все пациенты почтительно приветствовали доктора. Было заметно, что его здесь любили и уважали.

Затем Дюро повел друга в аптеку.

— Вот это Ольгины владения. Она прекрасный фармацевт и в лаборатории работает лучше меня. Недавно они с Руфью ездили за лекарственными травами в Татры. Ведь Руфь по образованию ботаник и даже из Италии, где мы недавно были, привезла трав.

— И Ольга ездила с вами в Италию?

— Конечно.

— Неужели баронесса так ее ценит?

— Она любит ее, как любила родную дочь, которую Бог несколько лет назад забрал у нее. Глядя на Ольгу, она радуется вместе с нами. Нам с баронессой немного осталось жить на земле. Ее, как и меня, удерживают здесь лишь молитвы любящих друзей. Хотя мое здоровье не сравнить со здоровьем баро-

нессы, нас объединяет радость, что Ольга будет хорошей заменой, когда мы уйдем из жизни. Она настоящая труженица. Знаешь, Михаил, я счастлив, что ты вернулся христианином. Ты не станешь для Ольги помехой. Я верил в это и надеялся, что именно так все и будет.

— Ты прав. Я не намерен мешать ей, а хочу, наоборот, помогать. Я вижу: она стала самостоятельной. Как только я верну причитающиеся ей деньги, то сразу смогу подать на развод.

— Михаил, ты говоришь об этом как христианин?

— В таких случаях брат и сестра не связаны.

— Да, если бы на ее месте была неверующая.

Смешавшись, Михаил уставился в пустоту.

— Однако учти, что грех — причина нашего союза.

— Да, но Христос может обновить ваш союз и освятить его. Вы все еще чуждаетесь друг друга.

— Мы никогда не сроднимся.

— Разойтись всегда можно. Но прежде вы должны честно попытаться получше узнать друг друга.

Пока доктор был на первом этаже у тяжелобольного, а Ольга была занята в аптеке приготовлением кое-каких лекарств, Михаил сидел в кресле, глубоко задумавшись. Потом они проводили гостя до двери и оставили его в полном замешательстве.

Глава 9

Над Дунаем была прекрасная летняя ночь. Звезды отражались в волнах могучей реки, льющейся потоком в Черное море. На берегу под густыми кронами деревьев беспокойно ходила молодая женщина. Казалось, она ничего не замечала вокруг себя. На ее лице отражалась сильная внутренняя борьба. Что же происходило в ее взволнованной душе?

— Господи, Иисус Христос! — восклицала она, прижимая к груди сложенные руки. — Дай мне ответ, дай мне ответ!

Она присела на камень, глядя на волны, посеребренные лунным светом.

— До сих пор я так ясно видела свой путь, свою задачу, — продолжала она молитву, — а теперь впереди все неясно. Я не знаю, где начинается и где кончается мое чувство долга. О, Господи, укажи мне путь!

У ее ног шумели волны, на берегу шептались деревья, и этот шум наполнил песню:

*«Ничего не бойся! Я всегда с тобой!
На пути тернистом есть светильник Мой.
Его луч рассеет ужас темноты;
Ведь всего на свете Мне дороже ты».*
*Пусть погаснут звезды, солнце не взойдет,
Только моя песня не перестает:
«В скорби Ты давал мне радость и покой,
Ты — мой Бог, и Ты же Утешитель мой».*
*Если путь печален и грозит беда,
Его голос слышу: «Я с тобой всегда!»*
*И на небе буду петь Ему хвалу:
«Ты всегда был верен слову Своему!»*
*Я не одинока! Мне не быть одной,
Ведь всегда со мною Бог — Спаситель мой!*

Бывают мгновения, когда кажется, что лишь смерть может принести спасение и освобождение. Как ни трудны были для Ольги годы целеустремленной учебы и напряженного труда, они пролетели незаметно. Подобно изнывающему от жажды цветку, ее одинокое сердце открылось животворящей влаге и свету вечного солнца. Великое счастье, какое приносит вера в Иисуса Христа, осветило всю ее жизнь, и ее душа научилась прощать. Ольга Годолич думала, что забыла, какой жестокий удар нанес ей муж, оставив одну в невежестве и безысходности.

Оглядываясь теперь на прошлое, она сумела найти всему оправдание. Она действительно была такой, какой ее видел Михаил. Лишь Иисус Христос и Его последователи, в сердцах которых жила любовь, помогли ей подняться и сделали ее полезной людям. Ольга думала, что все давно простила и обо всем забыла. Но вдруг ясно поняла, что еще не зажила ее рана. В ее памяти оживало

прошлое. Как будто только сегодня ее, осиротевшую и печальную, увели от свежей могилы матери. Потом в сердце появилась надежда, что и для нее, сироты, затеплится новый домашний очаг. Когда-то она жила, окрыленная мечтой. О, как хотела она всю жизнь служить Годоличам, воздать им за любовь и желание принять ее в их семью. Как забилося ее сердце, когда она впервые увидела Михаила! Молодой красавец превзошел все ее ожидания и завладел девичьими мечтами.

А потом его отъезд! Как горько об этом вспоминать! С новой силой вспыхнули годами подавляемые чувства. Мужчина, который сегодня стоял перед ней, казался ей совершенно чужим. В ее сердце не возникло к нему ни малейшей симпатии. Да, он был ей чужим, более чужим, чем те пациенты в больнице, которые нуждались в ее помощи.

Однажды, желая оправдать племянника, дядя Тихий раскрыл мучившую ее тайну и рассказал, почему Михаил на ней женился. Лишь на мгновение она увидела его в выгодном свете — он был готов пожертвовать собой ради отца. Однако, поразмыслив, она с

болью призналась себе, что ей, голодной, вместо хлеба он хотел подать камень, вместо любви — золото. И она твердо решила никогда не принимать те тысячи, ради которых он оставил ее и уехал далеко от родины. Ей не нужны деньги, добытые его трудом. Если жертва племянника успокоила совесть несчастного дяди, то это было важно в тот час, и только. Когда она узнала от Дюро о намерении Михаила вернуться, то постаралась устроить свои дела так, чтобы ей не пришлось переступить порог замка. Как заведующей аптекой ей не платили жалованье, и она довольствовалась тем, что получала еду и одежду. Но в последние годы у нее открылся небольшой источник дохода: она хорошо варила варенья и неплохо готовила фруктовые соки. Кухарка дала ей адреса нескольких магазинов, которые стали охотно покупать ее продукцию. Дядя Тихий ей не мешал, и она стала покрывать свои личные расходы и откладывать немного денег на путешествия.

С тех пор как Ольга узнала, чьи деньги получала у Годоличей, она не стала брать ни гроша. Один дядя Тихий знал, что назначенные ей проценты расходовались на благоуст-

ройство замка, на содержание сада и на ведение домашнего хозяйства. Он не препятствовал Ольге, и ее труд давал Михаилу возможность скорее вернуться на родину, а его имению — процветать на удивление всем соседям.

За шесть лет пребывания на чужбине Михаил не потерял, а даже увеличил свое состояние. И если деньги были ему так дороги, если ими он хотел возместить то, чего сам не мог дать, то пусть и остается со своими деньгами. Такие мысли время от времени появлялись у Ольги. Как только она вспоминала, что, будучи женой, должна вернуться к нему, она отгоняла от себя эту мысль, как что-то ужасное. Он хотел жить ради денег, она же — ради Христа и своих ближних. Михаил был чужим для нее, и она была ему противна. Они никогда не были мужем и женой. Существующий брак он мог легко расторгнуть. Он, богач и красавец Годолич, мог выбрать равную себе среди множества женщин. Она же хотела выполнять лишь то, чего хотел от нее Господь.

Так думала она прежде. А теперь? Где ты, желанная свобода? Михаил вернулся, но это

был не тот светский и не знавший Бога Михаил. Нет, по его собственным словам, он пришел к вере. А развод между детьми Божьими опорочит имя Христа. Здесь, в этих местах, много одиноких женщин, и одинокая жизнь тяготит их. А жить вместе было невозможно!

— Дорогой Господь, я никогда не смогу принадлежать ему, никогда! Ты знаешь, что не могу!

Голова ее склонилась на грудь. Ее рассыпавшиеся золотистые волосы упали на лицо. Могла ли она принять такое самоотречение с его стороны? Она вспоминала, как у гроба отца, когда она положила свою руку ему на плечо, он вздрогнул, готовый ее сбросить. Нет, такой жертвы она не могла принять. Конечно, теперь она не была невзрачной, и уж тем более безобразной, но и красавицей тоже не стала. Через несколько лет она начнет стареть. А Михаил ценил в людях прежде всего внешность. Бесспорно, она научилась со вкусом одеваться, приобрела манеры, но ее внутренние качества он оценить не мог.

Кто бы дал ей совет? «Жена принадлежит мужу...» Нет! Только не это!

— Ольга, дорогая сестра! — услышала она вдруг рядом с собой. Подняв печальные глаза, она взглянула в бледное, почти прозрачное лицо, которое отражало свет Христовой любви. — Ольга, не смотри на волны, смотри на Христа! С Ним ты будешь ходить по волнам, как по тверди. Не бойся, только веруй.

— Ах, Дюро!

Слезы облегчения хлынули потоком. Доктор позволил ей выплакаться. Вдруг Ольга спохватилась:

— Дюро, что ты делаешь здесь в такое время?

— Я не мог заснуть от счастья и заметил, что в твоей комнате нет света, поэтому пришел сюда. Сердце мне подсказало, где искать тебя.

— От какого счастья ты не мог заснуть?

— Разве это не счастье, когда мы столько молились за дорогого друга и Бог услышал нас?

Ольга покраснела до корней волос, и сердце ее дрогнуло. Какая она христианка? Она даже не радовалась, что Господь услышал ее молитвы. Ах, они, наверное, были не так чистосердечны, как молитвы ее друзей.

— Ольга, оставь прошлое там, где оставил его Спаситель. Он сказал: *«Се, творю все новое»*¹. Отдай свое настоящее и будущее в Его пронзенные руки, и Он поведет тебя.

— Этого я и хочу, Дюро, поверь мне. Только скажи, что мне теперь делать?

— Теперь? Пойди в свою комнату, в молитве предоставь все Доброму Пастырю.

— А завтра?

— Как обычно, примись за работу, выдай сестрам лекарства, а потом отправляйся в имение Годоличей, чтобы навести порядок.

— Но не оставаться там?

— Разумеется, нет, до возвращения госпожи Замойской.

— А потом?

— Дальше Господь знает. Он говорит: *«Довольно для каждого дня своей заботы»*².

— Благодарю тебя, Дюро, за утешение и совет.

Пожав руку доктору, она ушла, но вновь вернулась.

¹ Отк. 21:5.

² Мф. 6:34.

— Не оставайся, пожалуйста, здесь, ведь сейчас воздух сырой и прохладный.

— Сегодня чудесная ночь. Такой, наверное, была ночь, которую наш Спаситель провел в молитвенном общении со Своим Отцом. Ольга, ты помнишь, как мы в тот зимний день впервые перешагнули порог дома в Орлице. Но зима была и в наших сердцах, в них было холодно, темно и пусто. Как с тех пор все изменилось! Теперь мы с радостью поем:

*Я знаю, да, я знаю,
Что жив Спаситель мой,
Что с Ним я обретаю
Дар жизни неземной.
Я знаю, Кто в мгновенье
Отчаянья и бег
Мне подает спасенье,
И помощь, и совет.
Я знаю, если стражду
Под ношею скорбей,
Кто утоляет жажду
Больной души моей.
Я знаю, что из праха
По смерти оживу
И с радостью, без страха
Пред Ним склоню главу.*

— Подумай только, как можно лишиться этого счастья, этого сокровища?!

— Потерять Христа?! — воскликнула она. — Этого я не пережила бы. Все можно потерять, только не Его!

— Представь себе, Ольга, что Господь наделил тебя ослепительной красотой. Ты приезжаешь в имение Годоличей и очаровываешь Михаила. Он «запутывается» в твоих красивых золотистых волосах, и в его сердце разгорается к тебе страстная любовь. Красивый и одаренный, он становится твоим идолом, перед которым ты чувствуешь себя ничтожеством. Он, конечно, никуда не уезжает, и ты, вместо того чтобы развиваться, стоишь все на той же ступени. Ты — одаренная, но забитая и ограниченная — теперь окружена непривычным для тебя богатством. Через год-другой ты становишься матерью и вскоре понимаешь, что в силу неразумного, дурного воспитания твой ребенок чужой для тебя. Ни один из вас двоих не спросит в дурмане пролетающей жизни о Христе и о спасении. После шести лет горьких разочарований ты превращаешься в женщину с сердцем, наполнен-

ным горечью, в женщину без любви, лишенную вечного мира. Если ты представишь себе все это, то, мне кажется, не найдешь причин для слез. Вам обоим нужно сказать: *«Господь есть часть наследия моего и чаши моей. Ты держишь жребий мой. Межи мои прошли по прекрасным местам, и наследие мое приятно для меня»*¹.

Сегодня вы находитесь у истока жизни. Последние годы были лишь подготовкой. И если раньше ваша жизнь была тяжелой и тревожной, то теперь она будет счастливой, потому что счастье ваше во Христе и жизнь ваша со Христом сокрыта в Боге. Понятно, что ты не можешь любить Михаила так, как жена должна любить своего мужа. Он растоптал бутон твоей любви. Но полюби его как возрожденного человека, спасение которого, как и наше, оплачено смертью Христа. Полюби его так, как с первого дня полюбила меня, — любовью сестры. Знаю, что к этой любви ты пришла через сострадание, ведь я не причинил тебе зла.

¹ Пс. 15:5,6.

— Ты полюбил меня как брат, — перебила Ольга Дюро. — Господу и тебе я обязана всем в моей жизни. Да вознаградит тебя Господь! Ты и теперь успокоил меня. Да, мне выпала прекрасная доля, и у меня нет причин для слез. Ты никогда больше не увидишь меня плачущей. Верю, что Господь все устроит. Отныне я всегда буду благодарить за то, что могу быть спасением для Михаила, хотя он и унизил меня.

— Благодарю тебя, Ольга, за эти слова. Теперь я счастлив.

— Можно мне спросить тебя, Дюро?

— Да, сестричка.

— Почему ты сказал, что той зимой у тебя в сердце были холод и пустота? Разве Господь — это вечное Солнце правды — тогда еще не был в твоём сердце?

— Меня Господь тоже вел трудными путями, — ответил Дюро. — Мне пришлось расстаться с мечтой о семейном счастье. Единственным утешением для меня было то, что девушка, которая была мне дороже жизни, не подозревала о моей любви, только так она могла стать счастливой невестой другого. Не

смотри на меня с печалью. Моя боль была велика, но я нашел утешение в Иисусе. А теперь мы оба должны похоронить прошлое там, где ему место.

Доктор снял шляпу, сложил руки и в горячей молитве передал Ольгу и себя в руки Господа, Который утешал их и вел к цели.

Как часто человек не знает, что его ожидает, когда с нетерпением и радостью торопится домой. Не успел Михаил Годолич привыкнуть к родному дому, как его свалила сильнейшая малярия, какой у него не было даже в Бразилии. Болезнь всегда тягостна, и от нее быстро не избавишься. Первые два дня Михаил старался не поддаваться болезни, но на третий день, когда он был у Дюро, захворал окончательно. Ему пришлось лечь в постель, и несколько дней его мучила сильная лихорадка. Михаил даже не знал, что его лечили те руки, прикосновения которых прежде были ему так отвратительны.

Наконец лихорадка прошла, но наступила такая слабость, что он не мог двигаться. В такое время хорошо тому больному, чьи страда-

ния кто-то старается облегчить. Михаил был вынужден признаться, что еще никогда у него на душе не было так спокойно, как с Дюро и его друзьями. Руфь Морган пела ему и играла на рояле. Ольга читала книги и по его просьбе рассказывала о своих путешествиях по Шотландии, Англии и Италии. А путешествие по Татрам она описала так живо, что невольно пробудила в Михаиле желание путешествовать по тем местам его родины, где он еще не бывал. Дядя Тихий приходил каждый день и докладывал Михаилу об осуществлении новых проектов, о получении заказанных машин и о приезде приглашенных мастеров.

Случалось, что Михаил оставался один, и тогда он просматривал бухгалтерские книги, принесенные дядей, и подсчитывал расходы и доходы. Нередко его лицо становилось мрачным. Однажды за такими подсчетами его застал дядя.

— Как хорошо, что ты пришел, — воскликнул больной, — ты должен помочь мне разгадать одну загадку.

— С удовольствием, Михаил, но как ты себя чувствуешь?

— Надеюсь, что меня скоро выпустят из этого плена.

— Не будь неблагодарным, — шутя пригрозил дядя. — Болезнь могла бы продлиться или принять худший оборот. Или ты считаешь, что близкие люди сделали не все, чтобы ты скорее поправился и встал на ноги?

— Нет, не думаю, — возразил Михаил серьезно. — Но чрезмерная доброта подавляет, если нет возможности ответить тем же. Однако оставим это. Скажи лучше, дядя, почему в счетах за два года не видно расходов на путешествия Ольги и на ее личные нужды?

Дядя Тихий смутился.

— Скажи, все оплачивала баронесса?

— Нет, Михаил, Ольга сама за все платила.

И теперь дяде ничего не оставалось, как признаться Михаилу, что Ольга, узнав причину его отъезда в Бразилию, ни одного гроша больше не брала из имения Годоличей и даже

причитающиеся ей проценты расходовала на ведение хозяйства. Благодаря этому содержался дом, а его владельцу была дана возможность скорейшего возвращения на родину.

Дядя и не подозревал, какая буря чувств поднялась в душе Михаила.

— Что с тобой? — спросил он испуганно, склонившись над племянником.

— Ты еще спрашиваешь? — простонал больной. — Зачем ты рассказал ей о грехе моего отца? Зачем ты осквернил посмертную память о нем?

— Она христианка, Михаил. Ольга не осудила твоего отца, а глубоко посочувствовала ему, — возразил старик. — Она поблагодарила меня за это признание и с тех пор часто украшала могилу твоего отца цветами. Она ценит, что он хотел доказать ей свою любовь и вернуть долг.

Разговор прервался из-за прихода доктора. Он сообщил, что госпожа Морган намеревается поехать встречать баронессу. Вслед за доктором вошла Ольга, чтобы попрощаться.

— Надеюсь, что господин Годолич встретит мою дорогую покровительницу уже на ногах. Господь услышал наши молитвы.

— Позвольте от всего сердца поблагодарить за доброе отношение ко мне, которое я не заслужил, — ответил Михаил, целуя ее маленькую, изящную руку.

— Оно давно заслужено, господин Годолич!

— Чем же, можно спросить?

— Разве вы не читали: *«Так как вы сделали это одному из сих братьев Моих меньших, то сделали Мне... Я был болен, и вы посетили Меня»*¹.

— Ну, если вы так считаете, то, конечно...

В комнате стало тихо. Мужчины до самых дверей проводили взглядом милый силуэт.

— Прекрасная душа, — заметил старик.

«Действительно, — мысленно согласился Михаил. — Но при таком мировосприятии человек уже ничего не стремится приобретать или требовать. Он все делает для Христа, и только для Него. Что, собственно, мне нужно?

¹ Мф. 25:40,36.

Ольга также ухаживает за мной лишь ради Христа. А ведь это единственно верная мысль. Между нами никогда не было и не будет никакой связи. Сегодня, когда она все знает, эта связь стала вообще невозможна. Все действия Ольги говорят об одном: она хочет выглядеть образцом недостижимого христианского совершенства. Чем выше она поднимется в моих глазах, тем ниже мне придется опуститься в ее мнении. Да, она позаботилась о моем скорейшем возвращении, она не хотела быть мне обязанной и предпочитала работать, чтобы обеспечить себя, хотя могла бы жить как богатая дама. За последние два года она вернула с процентами все, что получила от имени Годолличей, и это способствовало его процветанию. Очень хотелось бы знать, как она представляет себе будущее. Если она разделяет взгляды Дюро, то о разводе она не думает. Не собирается же она быть моей женой и при этом оставаться заведующей аптекой? Интересно, что она сделает с теми сорока тысячами, которые я ей вручу?» — так размышлял гордый Годоллич, испытывая при этом тайное недовольство собой.

Приход врача отвлек его от размышлений.

— До каких пор ты будешь держать меня в плену, Дюро?

— До конца недели, дорогой! — приветливо улыбаясь, ответил доктор. — Но не советую тебе сразу возвращаться домой. Прежде побывай в горах: Карпатах, Татрах. Ты еще так мало знаешь свою родину.

— Разве теперь, перед уборкой урожая, время для увлекательных путешествий?

— Я скажу так: если ты не хочешь через неделю снова слечь в постель и проболеть до осени, то лучше сейчас поправляйся как следует. Через несколько недель ты вернешься окрепшим и здоровым. А здесь тебя на время уборки урожая кто-нибудь заменит. Как ты считаешь, отец? — обратился Дюро к вошедшему Тихому.

— Ты прав, сынок. Я считаю, что мы шесть лет хорошо хозяйничали, а теперь мне пора на покой, не так ли, Михаил?

— О чем ты говоришь, дядя! Да я с тобой не расстанусь до самой смерти. Я многим тебе обязан и готов слушаться во всем, только отпусти меня до приезда баронессы.

— Это невозможно, она уже завтра будет здесь. А чем может помешать тебе эта добрейшая женщина?

— Эта дама, наверное, очень «хорошего» мнения обо мне, ведь она Ольгина старшая подруга, — ответил Михаил с саркастической улыбкой.

— Ты раздражен, Михаил, и тебе сейчас лучше побыть одному.

Дядя Тихий, попрощавшись, вышел. Дюро, проводив отца, вернулся к Михаилу:

— Ты можешь на несколько минут выйти на балкон и подышать свежим воздухом. Я помогу тебе одеться.

Вскоре Годолич сидел в удобном кресле на балконе. Вокруг была тишина, заходящее солнце золотило поля и леса. Михаил задумчиво смотрел на закат, думая, что его жизнь уходит так же быстро, как это заходящее солнце. Да, без доброты доктора и самоотверженности сестер его жизнь могла закончиться, и он ушел бы в вечность. Ему пришлось бы давать отчет о своей жизни перед престолом Христа. Какими были прожитые годы? Впервые он почувствовал, что жил до сих пор

только для себя одного. Опять эти грустные мысли! Вдруг из открытого окна полилась музыка. Кто-то играл на пианино, да как играл! Музыка как будто выходила из переполненного любовью сердца. Кто мог так играть? Руфи не было дома. Может быть, кто-то из пациентов был музыкантом? Мелодия прервалась, и наступила тишина. Но вот раздалась еще более вдохновенные звуки, и последний аккорд прозвучал как мощное «Аминь».

Михаил задумался и вдруг услышал над собой:

— Михаил, ты уже вышел на воздух? Слава Господу!

Невольно он протянул руку навстречу этому светлому видению:

— Ольга, добрый вечер! Как видишь, Дюро ненадолго выпустил меня на балкон.

Ольга, взяв руку Михаила в свою, села на стульчик рядом с ним.

— Господь добр, — сказала она сердечно. — Он услышал наши молитвы и вернул тебе здоровье.

— Ты тоже за меня молилась?

Она посмотрела ему в глаза, и ее взгляд смутил его.

— У тебя ведь мало причин за меня молиться, — неуверенно проговорил он.

— Скорее, у меня нет причины не молиться за тебя, больного человека, особенно если ты дитя Божье. Ты же знаешь, что если страдает один, то страдают все.

Он посмотрел на нее. Какая она светлая, свежая и так непринужденно, по-сестрински, села рядом с ним, будто он ее никогда не обижал и не унижал.

— Чему ты так радуешься? — вырвалось у него.

— Не удивляйся, Михаил. Дитя всегда радуется возвращению матери.

— Ты считаешь госпожу Замойскую матерью?

— У меня были две матери. Моя родная добрая мать подарила мне земную жизнь, а через другую Бог подарил мне духовную жизнь. Как моя матушка заботилась о моем телесном развитии, так госпожа Замойская словом и примером и прежде всего молитвой пробудила меня к духовной жизни. Я была такой не-

образованной, глупой, опустошенной. Лишь имея Божью любовь, она смогла полюбить такое невежественное существо, как я, и воспитывать его с таким терпением.

Взгляд Ольги устремился ввысь, в небо, окрашенное лучами вечерней зари. Она, очевидно, забыла, что говорит с Михаилом. Сидя перед ним на низеньком стульчике, с рассыпавшимися по плечам золотистыми волосами, она была в этот момент неотразима. Михаилу вдруг вспомнилось прошлое. Может быть, оттого что она сама так легко говорила о нем. Он вспомнил ту минуту, когда увидел Ольгу сидящей, как теперь, но тогда она была в помятой фате и съехавшем набок венке. Невозможно было поверить, что то существо и эта женщина — одно и то же лицо. «Однако, — размышлял он, очарованный вечерней тишиной, — она моя жена». Чувство восторга теплой волной хлынуло в его сердце. Ему хотелось раскрыть объятия и прижать к себе этот стройный стан, эту милую головку. И он мог бы это сделать, ведь перед людьми и Богом она принадлежала ему...

Но в действительности все было не так. Михаил украдкой посмотрел на прекрасное лицо Ольги, на ее выразительные губы, и им овладело доселе неведомое желание поцеловать ее. В этот момент Ольга взглянула на него, и он смутился.

— Прости, — сказала она, — я немного замечталась. Однако тебе уже пора в дом, становится прохладно. Для первого раза достаточно немного побыть на свежем воздухе.

Она снова приветливо улыбнулась, но он вновь почувствовал укол ревности.

— Тебе так не терпится вернуть меня в мою тюрьму, — добавил он раздраженно. — Я еще не хочу уходить и не чувствую холода.

Она встала и, ничего не говоря, ушла с балкона, а через минуту возвратилась с одеялом и пледом в руках. Михаил не успел возразить, как она укутала его ноги и накрыла плечи.

— Прости, — прошептал он и взял ее маленькую руку. — Что ты обо мне думаешь?

— Я думаю, что после болезни ты еще немного раздражителен, — она с любовью посмотрела на него.

— Я тебя не обидел?

— Нет.

— Тогда не уходи. Мне не хочется оставаться здесь одному, — добавил он, словно пытаясь смягчить только что вырвавшиеся слова. — Ты не знаешь, кто перед твоим приходом играл на пианино в комнате Дюро? Наверное, какой-то музыкант из ваших пациентов?

Михаил не смотрел на Ольгу и поэтому не заметил ее смущения.

— Я знаю, кто играл, — ответила она просто. — Если тебе понравилась эта музыка, я позабочусь, чтобы ты услышал ее вновь. Однако, прости, мне нужно идти. Необходимо отдать еще кое-какие распоряжения насчет ужина. Скажу, чтобы тебе его принесли сюда.

Михаил не успел оглянуться, как оказался один. Когда через четверть часа сестра принесла ему ужин, а затем убрала со стола, он все еще в задумчивости сидел на балконе. Вдруг его слух вновь уловил те аккорды, которые он уже слышал сегодня. Музыка звучала

громче и была такой же волнующей, как и в первый раз.

«Нет, я хочу знать, кто играет», — думал Михаил, но веки его уже смыкались от усталости. Свежий воздух и музыка сделали свое дело. Когда пришел доктор, он нашел своего пациента спящим глубоким сном.

Прошло несколько дней. Снова был тихий теплый вечер. В небольшой беседке на берегу Дуная сидела баронесса. У ее ног, положив голову ей на колени, устроилась Ольга Годочич.

— Вот, моя дорогая матушка, все мои тревоги и волнения последних дней. Ты его видела и говорила с ним. Посоветуй теперь, как мне быть дальше.

— Как быть, дитя мое? — лицо пожилой дамы выражало глубокую задумчивость. — Скажем об этом прежде всего Иисусу Христу.

— Матушка, только не вели мне идти к Михаилу, поверь... я не могу!

— Разве он тебя звал?

— Нет, он не сказал об этом ни слова.

— Тогда успокойся, дитя мое. Если на то будет Божья воля, Господь вложит в его уста и сердце слова просьбы, а пока они не сказаны, ты не должна идти к нему.

— Не должна?!

Ольга уронила голову на колени баронессы.

— Ольга, а ты простила его? — голос спрашивающей звучал взволнованно.

— Да, матушка. Я знаю, что все в руках Божьих. И Он все повернет к лучшему. Но как я могу тебя оставить? Ты так слаба... — Ольга со слезами на глазах целовала нежные руки баронессы. — Оставить мои дела в больнице, наших друзей, доброго Дюро, который нуждается во мне, и пойти к этому человеку нелюбимой женой... Господь не может хотеть этого!

— Иногда нам что-то кажется недопустимым, но в конце концов мы убеждаемся, что другого пути нет. Но будь спокойна, я тебя ни часом раньше не отдам твоему мужу. А теперь я хочу попросить тебя кое о чем. Доктор

сказал, что в понедельник он отправляет Михаила в Татры и, скорее всего, сам будет сопровождать его.

— Дюро? Это невозможно! Такое путешествие не для него! Разве Михаилу все еще нужен врач? Я уже знаю, о чем ты хочешь меня попросить... Конечно, я поеду. Не знаю, заменю ли я ему друга, но Иисус поможет мне быть доброй к нему.

— Да, дитя мое. Значит, так тому и быть. А теперь все скажем Господу.

И, встав на колени, Ольга и баронесса в горячей молитве передали Господу все свои заботы и тревоги.

Глава 10

Ольга, это правда? — спросил доктор, встретив ее утром.

— Что, Дюро?

— Что ты хочешь сопровождать Михаила в его путешествии?

— Да. А как ты думаешь, он согласится, чтобы я поехала вместо тебя?

— Думаю, да. Но как ты на это решилась?

— Ты же знаешь, Дюро, что тебе никак нельзя оставлять госпожу Замойскую одну, она ведь такая слабая.

— Значит, ты пожертвовала собой?

— Нет, я только проявила немного благодарности и любви!

— Да благословит тебя Господь, Ольга! И дай Бог, чтобы ты не пожалела об этом. Может быть, сказать Михаилу о твоём решении?

— Нет, Дюро, скажу сама. Я сейчас иду к нему по поручению матушки.

Дюро посмотрел ей вслед. «Господи, Ты видишь, что Ольга жертвует собой, но она права: нашу благодетельницу нельзя сейчас оставлять одну».

— Доброе утро! — услышала Ольга голос Михаила.

— Доброе утро! Ты уже здесь? Это хорошо.

— А ты куда торопишься?

— К тебе. Госпожа Замойская просит тебя прийти ко второму завтраку на террасу. После него у нас молитвенный час. Приходи, пожалуйста.

— Можно мне прийти в таком наряде? — спросил он шутливо.

— Выздоровливающему он подойдет, — улыбаясь, поддержала она шутку. — У меня к тебе одна просьба, Михаил.

— Ко мне? — переспросил он удивленно, стараясь скрыть волнение. — Я охотно выполню ее, если только смогу.

— Сможешь, но это потребует от тебя определенных усилий.

— Мой долг слишком велик, и я с радостью выполню любую твою просьбу, — ответил он с поклоном.

— Михаил, госпожа баронесса очень больна. Дюро постоянно должен находиться рядом с ней, но он хочет ехать с тобой в Татры. Слава Богу, что ты уже можешь обходиться без врача, а за тобой смогу ухаживать я, если ты согласишься взять меня с собой.

— Ольга, ты в самом деле готова поехать со мной? — покраснев, он стоял перед ней, не смея поднять глаза.

— Да, если смогу быть тебе полезной.

— Твое чувство благодарности к госпоже Замойской действительно безгранично. Вчера я убедился, что баронесса — благородная женщина и действительно нуждается в помо-

щи Дюро. Да и ради него самого я бы не согласился, чтобы он сопровождал меня в путешествии. Ведь его здоровье может ухудшиться в горах. К тому же не такой уж я эгоист и неженка, чтобы у старой женщины забирать дочь, да еще в тот момент, когда она в ней нуждается. Зачем такая жертва ради меня?

Михаил умолк, взглянув на побледневшее лицо Ольги.

— Один ты не можешь ехать, — сдержанно проговорила Ольга. — У нас есть пациент, господин Мороз, который уже поправился и с удовольствием будет тебя сопровождать. Он давно хотел побывать в Татрах.

— Ольга, пойми меня, пожалуйста, правильно, — Михаил остановился, загородив ей дорогу. Их взгляды встретились. — Я был бы тебе благодарен, если бы ты поехала со мной. Однако знаю, что не заслужил этого. Тебе будет трудно уехать.

— Я живу со Христом и для Христа. Ради Него я помогаю ближним, не думая, что приношу себя в жертву.

Они молча пошли дальше. Перед входом на террасу Михаил остановился:

— Что мне теперь думать? Тебя обидела моя нерешительность? Если нет, то прошу тебя поехать со мной!

Михаил понял, что Ольга находится в смятении, на какое-то мгновение ему показалось, что сейчас она отрицательно покачает головой. Но вместо этого она коснулась его протянутой руки и не отняла своих пальцев, когда он прижался к ним губами.

«Я живу со Христом и для Христа...» — эти Ольгины слова Михаил вспоминал всю неделю их совместного пребывания в горах. Часто ему хотелось, чтобы она вообще не произносила этих слов. Ольга очень заботливо ухаживала за ним, старалась его развлечь. Она дарила ему всю любовь, на которую только способно сердце христианки. Но вместе с тем она сохраняла дистанцию, и люди, видевшие их вместе, часто ломали голову над взаимоотношениями этой странной пары. Как супруги они были слишком сдержанны друг с другом, как разведенные — слишком вежливы и предупредительны. Неудивительно, что у Ольги нередко спрашивали о самочувствии ее больного «брата». Зато Михаил видел, какими вос-

хищенными взглядами молодые люди проводили его жену. Единственным утешением для него было то, что Ольга никого, кроме него, не замечала. Когда Михаил отдыхал, она наслаждалась красотой природы, собирала цветы и в меру своих сил помогала окружающим.

Они остановились в небольшом курортном городке Л., лежащем у подножия Татр. Погода была прекрасная, и все дни они проводили на свежем воздухе. Во время одной из прогулок Михаил лег на траву, наслаждаясь солнцем, а Ольга села поблизости в тени, чтобы ему почитать. Потом она попросила Михаила рассказать ей о Бразилии. Слушая, она смотрела на горы и не замечала его взгляда, устремленного на нее. Михаил не сводил глаз с Ольгиного лица. Его так поразила своеобразная красота молодой женщины, что серд-

це у него сжалось от невыразимой тоски. Он чувствовал, что за эти дни они стали ближе и роднее друг другу, и ему хотелось, чтобы их путешествие никогда не кончалось. Он ощущал себя вполне здоровым, но не признавался в этом, боясь, что она перестанет ухаживать за ним и тогда между ними снова возникнет отчуждение.

Что же изменилось? Раньше, называясь мужем и женой, они оба хотели развода. Но теперь они христиане. Наверное, Дюро прав: их развод был бы грехом. Но жить так дальше тоже невозможно. Если бы она не произнесла тех слов! Теперь Михаил постоянно думал, что Ольга все делает ради Христа. Сколько раз у него самого была возможность на деле или хотя бы на словах ответить на ее заботу. А что он? Даже не обсудил с ней вопрос о тех несчастных сорока тысячах!

В этот момент Ольга обернулась, их взгляды встретились.

— Тебе что-нибудь нужно? — спросила она Михаила, несколько смутившись.

— Ольга, меня мучит одно дело, которое нам нужно обсудить, — глубоко вздохнув, проговорил он. — За несколько дней до отъ-

езда в горы я просмотрел все счета нашего имения и сделал нерадостное открытие.

— В счетах? — удивленно спросила она. — Я тоже их видела и поражалась, в каком образцовом порядке содержатся они у дяди Тихого.

— С этим я согласен. Но я не видел записей твоих расходов за два года. Дядя мне объяснил, каким образом ты покрывала свои личные расходы и на что тратила причитающиеся тебе проценты. Я хотел бы знать, почему ты так поступила.

Ольга внимательно посмотрела в его помятое лицо.

— Я делала то, что считала своим долгом, и Господь помог мне в этом.

— Вот как?! И что же ты считала своим долгом? — спросил он холодно.

— Сократить твою добровольную ссылку, в которую ты отправился из-за меня. Ты придавал такое большое значение деньгам, и мне не хотелось, чтобы твое желание вернуть их долгие годы удерживало тебя на чужбине. Если бы дядя мне раньше обо всем рассказал, я, наверное, смогла бы сделать больше.

Михаил не мог сдержаться и в гневе вскочил. Ольга поднялась вслед за ним. Так они стояли друг перед другом в этом безлюдном месте, ясно понимая, что настал самый решительный момент в их жизни.

— Я пожертвую всем, чтобы защитить перед тобой честь моего отца, — гордо проговорил он, скрестив руки на груди.

— Не будем говорить об этом, Михаил. Твоего отца тоже оставим в покое. Если бы он знал Божью истину, как мы с тобой, он бы так не поступил. Он не устоял в искушении и обрек на страдания нас обоих, особенно тебя.

Ее сочувствующий голос музыкой лился в сердце Михаила, и он смягчился.

— Однако, Ольга, твои родители, может быть, не умерли бы так рано, если бы не грех моего отца.

— Это неизвестно. Если грех был причиной ранней смерти моих родителей, значит, так рассудил Бог. Это не наше дело. Прошу, давай прекратим разговор, который для тебя неприятен, а для меня мучителен. О твоём отце у меня остались самые хорошие воспоминания. Я знаю, что он желал мне добра, и мне не хочется омрачать память о нём.

Михаил глубоко вздохнул:

— Как только вернемся домой, я сразу же отдам тебе банковские документы на твою долю, — горячо начал он, но вдруг запнулся.

Ольга стояла перед ним, как натянутая струна:

— Когда дядя пригласил меня в ваше имение, я думала, что он меня, сироту, хотел приютить. Я с радостью приехала к вам и хотела жить вместе с вами, чтобы служить вам. Но твой отъезд раскрыл мне глаза, и я поняла, что попала в чужую для меня семью, что лишняя среди вас. Не сразу я узнала, что явилась причиной твоего внезапного отъезда за границу, где ты вынужден был наниматься на тяжелую работу и терпеть лишения. Если бы я догадалась, что дело только в возврате этих тысяч, я бы не вышла за тебя замуж. Какой бы глупой я ни была в то время, у меня хватило бы женского достоинства, чтобы не продаться за деньги!

— Ольга!.. — воскликнул он в ужасе.

Его слова задели в ее сердце свежую рану, о которой он и не подозревал.

— Позволь мне договорить, Михаил, чтобы раз и навсегда покончить с этим, — она глу-

боко вздохнула и продолжила. — Твоему отцу стало легче от сознания, что он вернет свой долг. За мгновение искупления его греха стоило пострадать. Однако оставим моего дядю в покое. Он сделал тогда все что мог. А я, Михаил, делаю теперь единственное, что могу: как честная женщина и христианка, я возвращаю те тысячи тому, кому они принадлежат, — тебе. Не мне оставил их твой отец, для меня они потеряли всякую ценность после того, как я узнала, что тебе пришлось отправиться за ними в Бразилию. После шести трудных лет, которые ты провел вдали от дома, я, принимая деньги, считала бы себя просто непорядочной.

— А я говорю тебе, Ольга, что ты обязана принять деньги, — опять вспыхнул Михаил. — Мой отец оставил их тебе, так как совесть осуждала его за алчность. Ведь я отправился в Бразилию не затем, чтобы заработать сверх твоих сорока тысяч, речь шла о тех деньгах, которых не доставало до нужной суммы.

— Как бы там ни было, из-за этих тысяч я оказалась у вас, и они были причиной твоего отъезда из дома. Я знаю, что ты бежал от

меня, и нисколько не удивляюсь... Давай оставим этот разговор.

— Мы закончим его только тогда, когда ты примешь наследство! — воскликнул он. — Какого же ты обо мне мнения, если думаешь, что я оставляю себе твое законное наследство! Зачем ты стараешься выставить меня жалким скрягой? Чтобы гордо возвышаться надо мной в своем совершенстве?

Лицо Ольги то покрывалось румянцем, то бледнело. Наступила тишина.

— Прости, я не хотела тебя обидеть, — кротко проговорила она после некоторого молчания. — Я ни над кем не хочу возвышаться.

Эта кротость обезоружила Михаила.

— Значит, сделаем так: как только мы приедем домой, ты примешь деньги и распорядишься ими по своему усмотрению.

Ольга молча взяла шляпу и зонт, потом посмотрела на часы.

— Пора обедать, — чуть слышно проговорила она.

С того дня они больше не говорили на эту тему. Она не начинала, и он не решался спра-

шивать. Так они прибыли в Тренчанске Теплице, где их ожидал сюрприз. На бульваре им повстречалась небольшая группа иностранцев, с которыми Ольга познакомилась еще в Италии. Дамы радостно щебетали, мужчины были немного сдержаннее. Прислушиваясь к их разговору, Михаил понял, что Ольга выделяется среди всех своей образованностью, и подумал о том, что в погоне за деньгами он многое утратил. Это сильно затронуло его самолюбие, и он решил после возвращения домой немедленно взяться за книги.

Иностранцы с искренней заинтересованностью расспрашивали о докторе Дюро, и Михаил понял, насколько они ценят и любят его брата. Когда вся компания сидела за обеденным столом, в Михаиле заговорило желание быть гостеприимным хозяином, ему захотелось показать новым знакомым красивейшие места своей родины, и он пригласил всех к себе в имение. Михаил видел, что больше других его предложению обрадовалась Ольга. Всех воодушевила предстоящая встреча с баронессой и Руфью, и все хотели поскорее увидеть доктора Дюро.

После нескольких приятных дней, проведенных вместе, иностранцы попрощались с супругами Годолич, договорившись о встрече в их имении.

После отъезда новых знакомых Михаил с облегчением вздохнул. Может быть, ему хотелось в одиночестве наслаждаться красотой природы или же остаться наедине с Ольгой. Он не мог сказать, что в эти дни Ольга была недостаточно внимательна к нему, но свое внимание она дарила всем, и он всегда вспоминал ее слова: «Я живу для Христа...»

Глава 11

Уже начинало смеркаться, но Михаилу хотелось еще немного погулять. Ольга не пошла с ним на прогулку, а осталась, чтобы написать письма домой. Он не спеша поднимался в гору, чтобы уединиться, в то время как люди развлекались внизу в парке. Найдя скамейку, он сел и предался размышлениям.

«Какой же я христианин, если мне тягостно стремление моей жены полностью жить

для Христа? — думал он. — Ведь я так же, как Ольга и другие, должен идти по стопам Христа. Когда на одном из собраний в Америке призвали встать всех, кто желает следовать за Иисусом, я сразу же встал и никогда не жалел об этом. Однако в своей повседневной жизни я не следую за Христом. Неужели того, кто идет за Ним, ничего не должно интересовать? Ни любовь к родине, ни любовь к семье? Но в таком случае жизнь на земле стала бы бессмысленной».

Перед его глазами предстали баронесса, Руфь, Ольга, Дюро — все они любили друг друга. Однако Христа они любили больше и дорожили Им, это проскальзывало в их разговорах, проявлялось в делах. «Почему я не люблю Его так, как они? Они утверждают, что всем обязаны Христу, а у меня нет даже сознания тяжести моей вины. Знаю, что я грешник, и верю, что Христос умер за меня, но мне еще не все ясно. А почему? Может быть, я до сих пор не знаю того, что нужно знать? Я, собственно, даже не могу представить себе Христа. Он для меня не так реален, как для них. Моя и их христианская вера очень разнятся».

Удрученный этими мыслями, Михаил возвращался домой. Вдруг он остановился. Недалеке на скамейке сидела Ольга, ее руки лежали на раскрытой странице, рядом с книгой он увидел письмо. Ольга не замечала Михаила, так как ее взгляд был устремлен вдаль. По ее щекам катились слезы, и весь ее облик говорил: «О, если бы у меня выросли крылья!» Значит, вот такой она была наедине с собой, тосковала по дому и, наверное, улетела бы туда, если бы он ее не удерживал. Михаил стоял, пораженный своим открытием. Он понял, как велико ее желание исполнить долг!

— Ольга, что с тобой? — спросил он, склонившись над ней.

Она вздрогнула, услышав его голос, и молча протянула ему письмо. Он сел рядом с ней на скамью и начал читать. Письмо было написано изящным почерком Руфи. Она сообщала о тяжелой болезни баронессы, о том, что ей необходима операция, и просила молиться о ее здоровье. В конце письма была приписка: «Когда ты вернешься к нам? Мы так тоскуем по тебе!»

Лицо Михаила побледнело. Каким эгоистом он почувствовал себя! Он ведь знал, что эта больная женщина, воспитавшая Ольгу, по-матерински любила ее и, конечно, тосковала в разлуке с ней. Он резко встал со скамьи.

— Ольга, вели прислуге уложить вещи, мы уезжаем ближайшим поездом.

Ее лицо засияло от радости. Она с такой благодарностью посмотрела на него, что он покраснел.

— Прости, я не должен был удерживать тебя здесь так долго, — прервал он молчание.

— Это было необходимо для укрепления твоего здоровья, — возразила она. — Но теперь мы, слава Богу, с чистой совестью можем вернуться домой.

— Значит, ты на меня не сердишься? — глядя ей прямо в глаза, спросил он. — Неужели твое самопожертвование — для меня? Я был уверен, что ты делала все ради Христа, и, сознаюсь, мне неприятно было думать об этом, — в голосе Михаила звучало искреннее раскаяние. — Я у тебя в долгу и никогда не смогу воздать тебе должное.

— Не говори так! — она положила руку ему на плечо. — Поверь, я служила тебе с радостью. Я с удовольствием побывала с тобой в этих прекрасных местах и провела здесь беззаботные и очень счастливые дни. Но ты сам видишь, какое создалось положение. Поэтому я тебе очень благодарна за то, что мы сейчас возвращаемся домой, и прошу тебя: позволь мне полностью посвятить себя моей дорогой благодетельнице, пока Господь еще оставляет ее у нас. Отпусти меня к ней, ведь в имени вы справитесь и без меня, а когда я снова вернусь, то буду честно выполнять свой долг перед вами.

В этот момент Михаилу захотелось крикнуть: «Не нужно, чтобы ты служила мне из чувства долга», — но этот крик могли услышать прохожие. Молча они уложили вещи, и через некоторое время поезд уже мчал их к берегам Дуная, а затем пароход нес по волнам к родному дому.

До сих пор Ольга ухаживала за выздоравливающим Михаилом. Но теперь он не позволял ей проявлять о нем заботу и сам по-рыцарски ухаживал за ней. И как умело он это

делал! Никакой княгине, наверное, не уделяли столько внимания, сколько Михаил Ольге. И она, зная о его чувстве долга перед нею, принимала знаки его внимания.

Глава 12

Их путешествие подходило к концу. Через час они должны быть дома. Но вдруг в сердце молодой женщины появилось странное предчувствие: ей казалось, что они не застанут баронессу в живых. Терзаемая этими мыслями, Ольга вышла на палубу. Здесь она была одна и могла выплакаться, чтобы найти облегчение в слезах. А через несколько секунд случилось то, что Михаил Годолич до сих пор считал невозможным: он держал в объятиях свою плачущую жену.

— Не плачь, — утешал он ее необыкновенно ласково, — поверь, ты застанешь ее в живых. Она еще будет говорить с тобой и даст тебе свое благословение. Господь Иисус, Которому вы так верно служите, подарит вам эту встречу.

Слова утешения врачевали страдающее сердце Ольги. Склонив голову на грудь Михаила, она постепенно успокаивалась. Ее утешили его сердечные слова и то теплое чувство, которое шло из глубины его сердца. Когда-то Ольга вот так же отправилась на пароходе в замок Годоличей. Давно это было. Тогда она ехала к жениху, на свою свадьбу, мечтая о том блаженном миге, когда ее заключит в объятия молодой и красивый жених, фотографию которого дядя прислал вместе с предложением стать супругой его сына. Ей казалось, что пламя, потушенное в ее сердце, угасло навсегда. Но теперь Ольга почувствовала, что тот огонек еще мерцал, готовый разгореться с новой силой.

Она посмотрела на своего утешителя и встретила взгляд его красивых глаз, которые смотрели на нее уже не с презрением. Ольга тонула в их глубине, слушая, как в настороженной тишине стучат два сердца.

— Прости меня, Ольга, за мою жестокость, — первым нарушил молчание Михаил. — Я плохо обошелся с тобой, это верно. Но ты, пожалуйста, не удивляйся, ведь тогда

все было иначе. То, что сделали для тебя другие, должен был сделать я, но я не был готов к этому. Человек без Христа — мертвое и запутавшееся в грехах создание. По-другому я не мог поступить. Попытайся меня понять и простить за бездушие, о котором мне сейчас стыдно вспоминать.

Ольга покраснела.

— Я охотно прощаю тебя и все понимаю, — прошептала она. — Я благодарю тебя за эти слова. Знаю, что и я не такая, какой была прежде. Христос, мой Господь, поднял меня из праха. Он Сам преобразил меня внутренне и через людей изменил внешне. Но как еще далеко мне до совершенства!

— Значит, ты не сердишься? Ты не будешь больше меня избегать? Не думай, что я хочу отнять тебя у баронессы, нет! Сейчас мы сразу поедem к ней, и ты можешь оставаться у нее сколько нужно. Только что потом?

— Потом я вернусь к тебе. Господь Иисус не допустил нашего развода. Давай попытаемся вместе прославить Его в нашей жизни.

Раздался длинный гудок парохода и прервал их разговор. Михаил Годолитч понимал,

что должен заслужить любовь своей жены, но теперь у него была уверенность, что она не будет избегать его и готова быть рядом с ним как сестра. Когда он вел Ольгу по трапу, он чувствовал, что не сможет без нее жить, что теперь она — его земное счастье.

В Орлице они застали всех в глубокой печали. Врачи готовились к трудной операции. Сама баронесса не предавалась отчаянию и, как могла, всех утешала. Она словно ожила от радости, когда увидела свою любимицу. Всех обрадовал приезд Годоличей.

Михаил тоже зашел к больной и был до слез тронут тем, что она в такой тяжелый для нее час и при таких сильных болях искренне порадовалась его выздоровлению. Баронесса попросила ненадолго оставить ее наедине с Михаилом. Когда все вышли из комнаты, она проговорила слабым голосом:

— Я еще не знаю, как решил Господь. Но если я умру, любите мою Ольгу. Ведь она любила вас до свадьбы, до того, как вы погасили ее любовь. Но если она вновь почувствует тепло вашего сердца, любовь вспыхнет в ней с новой силой, и вы оба будете счастливы.

— Я очень люблю Ольгу, сознаю свою вину перед ней и готов сделать все, чтобы вернуть счастье, которым я пренебрег, — сказал он, с трудом скрывая слезы.

«У меня еще есть надежда и возможность быть счастливым...» — с радостью думал он.

Глава 13

Бывают в жизни дни, которые не хотелось бы пережить еще раз. Такие дни наступили для обитателей Орлицы, и Михаил Годолич больше всех не желал их повторения. Ему снова пришлось убедиться, что его христианская жизнь была несовершенной.

Баронессе сделали операцию. Обе ее подопечные благодаря Иисусу Христу, давшему им силы, не оставляли ее ни на секунду. Дюро, которого не хотели пускать в операционную из-за его слабого здоровья, молился о баронессе. И когда она пришла в сознание, то первым увидела его лицо, склонившееся над нею. Теперь началась тяжелая борьба за жизнь этой замечательной женщины, поэто-

му доктор Тихий не отходил от больной. Все сохраняли спокойствие и молились, ждали, надеялись, предоставив дорогую баронессу в Божьи руки. Одного лишь они просили у Господа, чтобы баронесса пришла в себя и они могли бы с ней проститься.

Михаил видел, что все очень любили ее, но понимал, что Христос был им еще дороже.

Чтобы развеять тяжелые мысли, он взял Новый Завет и принялся читать то место, где апостол Павел, прибыв в Ефес, застал там учеников, которых спросил: *«Приняли ли вы Святого Духа, уверовавши? Они же сказали ему: мы даже и не слышали, есть ли Дух Святый»*¹.

Михаил несколько раз прочитал это место. Видимо, для апостола Павла было важно, чтобы ученики не оставались без Духа. И на душе у Михаила стало светло. Он понял, что и он относится к тем людям, которые не знали

¹ Деян. 19:2.

о Духе Святом, этим и отличалась его вера от христианской веры Ольги и Дюро. В Америке он понял все разумом, но сердцем не принял Святого Духа.

Ужасная ночь тревог и борьбы за жизнь наконец прошла, и наутро блеснул луч надежды. Господь даровал верным друзьям даже больше, чем они смели просить. Врачи сказали, что при хорошем уходе больная сможет полностью поправиться, ведь ей было только пятьдесят лет. Радость обитателей Орлицы была неопишуемой!

Михаил Годолитч принял решение не оставаться в Орлице и вернуться в свое имение. Быстрыми шагами он шел по аллее к дому баронессы и вдруг увидел спешащую ему навстречу Ольгу. Никогда он еще не видел ее такой счастливой. В ее глазах блестели слезы радости, лицо сияло.

— Ольга, баронесса пришла в себя?! — воскликнул он и протянул к ней руки. Счастливая, она бросилась в его объятия.

— Да, Михаил! Порадуйся с нами! Наша любящая мать может сказать: *«Не умру, но буду жить и возвещать дела Господни»*¹. Она останется с нами, и поэтому я торопилась сообщить тебе эту радостную весть. Идем, посмотри сам, как она сладко спит.

— Спасибо за добрую весть!

В порыве радости Михаил привлек к себе Ольгу и поцеловал. Она же, покраснев, высвободилась из его объятий и пошла с ним под руку. Все в Орлице оживилось: кратковременная печаль сменилась нескончаемой радостью.

Глава 14

На полях полным ходом шла уборка урожая, но Михаил ежедневно находил время для короткого посещения Орлицы. Он был счастлив, когда помогал выносить баронессу в парк и мог посидеть около нее. Ей одной он доверил свое духовное несовершенство, и именно она смогла

¹ Пс. 117:17.

указать ему на всю силу и полноту духовного богатства во Христе и на путь его достижения. Однако он очень медленно продвигался вперед.

В течение тех четырех недель, которые прошли со времени возвращения из Татр, Ольга лишь два дня провела в имении Годоличей, именно тогда, когда туда прибыли гости. Она устроила им торжественную встречу. По желанию баронессы в имение отправились также Дюро и Руфь. Потом они пригласили гостей в Орлицу. И хотя иностранцы пробыли с баронессой недолго, это пребывание просветлило их сердца.

А Михаил неожиданно узнал, кто был тем музыкантом, чья игра его однажды так впечатлила. Он не мог поверить, что этим музыкантом была его любимая жена Ольга. Теперь он еще больше восхищался ею!

Так прошло лето, и наступила осень. Но на расцветающее счастье упала тень, давно прятавшаяся где-то рядом. Лицо любимого доктора Дюро становилось все бледнее, хотя он никогда не жаловался на свое здоровье. Когда вечерами он сидел среди друзей, они чув-

ствовали, что скоро ему суждено покинуть этот мир. Теперь он старался обедать у себя в комнате, а свою работу организовал так, чтобы никто не был зависим от него. Даже его пациенты видели, что земной путь их доктора завершается.

Над Орлицей опустился теплый осенний вечер. Деревья в пестрых одеждах были так красивы, что невозможно было представить, как они погрузятся в долгий зимний сон. После дневных трудов друзья собрались на террасе, откуда открывался чудесный вид на Дунай и на многоцветный осенний парк. Баронесса удобно откинулась в своем кресле на подушки, которые ей принесла Руфь, и перебирала пальцами белокурые волосы сидящей у ее ног Ольги. Остальные полукругом сидели около них. Лишь кресло доктора пустовало. Сестры милосердия рассказывали о том, как идут дела в больнице. Затем Руфь предложила спеть, и все радостно согласились. Вскоре зазвучала прекрасная хвалебная песнь, которая понеслась навстречу Дюро Тихому, медленно спускавшемуся по лестнице. Доктор

остановился, прислонившись к дереву, и стал внимательно всматриваться в лица окружающих. Взгляд его остановился на отце, и тревога мелькнула в его лице, покрытом болезненным румянцем. Затем он перевел взгляд на своего кузена и облегченно вздохнул. Еще не перестала звучать песня, когда доктор оказался в кругу дорогих ему людей. Они допели песню до конца, и потом госпожа Замойская обратилась ко всем собравшимся:

— Подойдите поближе, друзья! Доктор Тихий сейчас что-то расскажет нам из Слова Божьего, не так ли?

— Охотно, дорогая баронесса!

И на террасе зазвучал мягкий голос доктора: *«Да не смущается сердце ваше; веруйте в Бога и в Меня веруйте. В доме Отца Моего обителей много»*¹. Об этих обителях, об этой чудной Небесной родине он говорил с такой верой, что в сердцах слушателей пробудилась тоска по ней. Затем он говорил о непостижимой любви, которая там, в Небесах, готовит родину для спасенных душ. Особенно он вы-

¹ Ин. 14:1,2.

делил слова: «Приду опять». Он описывал Грядущего с такой любовью, как это может делать лишь следующий за Иисусом и хорошо знающий Его человек. «Чтобы вы были там, где Я», — это звучало триумфом победителей, победивших кровью Агнца¹.

«Примите Христа для освящения, и вы примете Святого Духа», — недавно говорила Михаилу баронесса Замойская. Теперь Христос через Слово Божье так приблизился к нему, что Михаил не мог не распахнуть перед Ним свое сердце. Христос вошел в него, и слава Господня наполнила сердце Михаила. Он первым упал на колени, когда призвали к молитве. С другого берега Дуная донесся вечерний звон колоколов. Ветер шумел в кронах деревьев. Акации сыпали свою золотую листву к ногам Того, Кто пришел, чтобы вечно жить со своими.

— Я благодарю вас, дорогой доктор, — сказала баронесса, — вы указали нам путь домой.

¹ В книге Откровение говорится о том, что верующие победили дьявола кровью Агнца, то есть Христа, и словом своего свидетельства (См. Отк. 12:11). — *Прим. ред.*

— Это путь, по которому я иду, дорогие мои. Мне кажется, что я уже недолго буду здесь. Поэтому позвольте поблагодарить вас, дорогая баронесса, за то, что вы вывели меня на путь истины. Через вас Господь много трудился надо мною. А недостающее Он Сам покроет Своей благодатью.

Можно представить себе, под каким впечатлением находились все после таких слов. На вопрос отца, как он себя чувствует, Дюро только улыбнулся:

— Не хуже обычного. Разве мои слова были для вас неожиданными? Ведь это чудо Господне, что я так долго прожил. Когда я приехал сюда, я думал, что не протяну и двух лет, и вот сколько Господь мне добавил.

— Он и теперь может добавить, если мы попросим Его, — проговорила Руфь.

— Да, если на то будет Его воля.

Когда Михаил и дядя Тихий пошли домой, Ольга с Дюро вызвались их проводить.

— Сынок дорогой, возвращайся обратно, — попросил отец, — тебе трудно много ходить.

— По дороге намного легче, отец. Я лишь немного провожу вас.

— Тогда, может быть, зайдешь к нам? — спросил Михаил.

— В другой раз, — сказала Ольга, — Дюро лучше всего находиться в своей комнате.

— Ты права. Но вот мы и пришли. Не забудьте: «Живем ли — *для Господа живем, умираем ли — для Господа умираем*»¹.

— Дюро, друг! — воскликнул Михаил, крепко обняв брата. — Только что баронесса благодарила тебя, теперь и я должен тебя поблагодарить. Наконец я полностью принадлежу Господу и по-настоящему принял Христа. Теперь я с вами, и Он всегда со мной. И ты, дорогой брат, помог мне прийти к Иисусу. Я от всего сердца благодарю тебя за это!

¹ Рим. 14:8.

— Слава Богу! — воскликнул Дюро. —
Большой радости ты не мог мне доставить! Да
благословит тебя Господь Иисус!

Они обнялись со слезами радости на глазах.

— Ольга, теперь мы наконец полностью
поймем друг друга, — проговорил Михаил,
обратившись к жене.

— Да, Михаил! — радостно ответила она.

Через несколько минут два верных друга,
Дюро и Ольга, остались одни, и Дюро, улыб-
нувшись, спросил:

— Ольга, ты узнаешь это место?

— Еще бы! Там стоит разбитое молнией
дерево, где много лет назад сидело несчаст-
ное брошенное создание. Я была, как замер-
зающая птичка. А там стоял добрый ангел,
пришедший, чтобы ее согреть.

— А там, Ольга, стоял добрый Пастырь, ис-
кавший двух пропавших овецек.

— Дюро, как мне тебя благодарить?!

— Ты благодаришь меня всю жизнь, доро-
гая Ольга. Но именно благодаря тебе моя оди-
нокая жизнь обрела красоту и смысл. Да воз-
наградит тебя Господь! Однако позволь мне
задать один вопрос: ты только как сестра во

Христе рада, что Михаил по-настоящему принял Иисуса, или же рада и как его жена?

Доктор испытующе посмотрел на Ольгу, и она поняла, что он готов защитить друга.

— Знаешь, Дюро, это уже не тот Михаил, — ответила она и спрятала лицо в свои ладони.

— Я знаю, это новый Михаил. Ты все ему простила?

— Да, в тот же миг, когда он попросил об этом. Поверь мне, между нами уже нет пропасти.

— И если он тебя попросит навсегда остаться с ним, ты согласишься?

— Я его люблю, — прошептала она едва слышно.

— Слава Богу!

Молча, в глубоком раздумье, они шли к дому. Осенний лес расстилал перед ними свой огненный ковер. В Орлице они сначала зашли в аптеку, где Дюро выписал несколько рецептов. В последнее время Ольга провожала его до дверей комнаты, но сегодня она решила зайти к нему, чтобы проверить, все ли в порядке. Дюро стоял у окна, скрестив на груди руки, с улыбкой наблюдал за Ольгой и с

благодарностью вспоминал все годы ее служения. Благодаря ей все это время он чувствовал себя хорошо.

Ольга пожелала ему спокойной ночи и, ненадолго задержавшись в дверях, посмотрела на него. «Сколько в нем любви, — подумала она, — он весь светится ею. Он уже, наверное, ближе к Небу, чем к земле». Чувство глубокой признательности и сестринской любви переполнило ее сердце, и она обняла его:

— Спокойной ночи, Дюро, и спасибо тебе за все, — прошептала она, пожав его руку.

— Доброй ночи, Ольга, дорогая сестра! Да благословит тебя Господь с избытком.

Глава 15

Когда на другое утро доктор Г. зашел в спальню своего коллеги, поскольку тот не появился в больнице в обычный час, слуга ответил, что доктор Тихий еще не вставал. Но от этого сна Дюро уже никто не мог пробудить — ни зов друзей, ни плач больных. Доктор Тихий был в вечности — у любящего Господа.

Врачи установили мгновенную смерть от внутреннего кровоизлияния. Выражение лица Дюро и его руки, сложенные, как для молитвы, говорили о том, что земная жизнь не нанесла ему последний болезненный удар и что он ушел из нее с улыбкой.

Велика была печаль тех, для кого его уход был большой утратой. Но слова и дела доктора Тихого продолжали жить в памяти людей. Возле его могилы нередко собирались друзья, чтобы обсудить, какие его добрые идеи удалось осуществить и что еще предстоит сделать.

Когда после похорон Дюро друзья собрались у госпожи Замойской, она попросила Михаила, чтобы он сдал в аренду или продал имение Годоличей. Она сказала, что хочет передать ему дом в Орлице, где все они, не расставаясь, смогут продолжать свое благородное дело.

Свой ответ Михаил должен был дать через три недели, но уже через две недели он заявил о своей готовности жить в Орлице и трудиться для Господа. Михаил не хотел больше владеть имением, пробуждавшим в нем столько печальных воспоминаний об отце и его грехе. Он уже не удивлялся тому, что Оль-

га отказалась от его денег. Действительно, не стоило жить ради них. Михаил понял, что Господь даровал ему земное богатство лишь для того, чтобы оно было положено к Его ногам, и в этом он поддерживал благородные стремления своей супруги.

Михаил Годолич понял, что его жена никогда не будет счастлива без своей работы. Когда-то он обещал не отнимать ее у госпожи баронессы, пока та жива. И вот баронесса поправилась, и он хотел сдержать свое слово. Ведь и ему нужна была любящая мать.

Дядя Тихий, может быть, и запротестовал бы против продажи имения, в которое он вложил столько сил, если бы баронесса не показала ему свое завещание. В нем было записано, что Ольга Годолич — единственная ее наследница. Возражений здесь быть не могло. После смерти сына господин Тихий всю свою любовь сосредоточил на племяннике. Он понимал, как тягостны для Михаила воспоминания о смерти его отца, жившего в замке Годоличей. Дядя дал согласие на то, чтобы Михаил стал компаньоном баронессы и вложил в ее имение свой капитал.

Кристина Рой

Продав замок Годоличей, Михаил испытал чувство радостного освобождения. Теперь благодаря завещанию баронессы он мог выполнить желание любимой жены и отстроить восточное крыло дома в Орлице. Умиротворение наполнило сердца молодых супругов, когда они наконец поселились в этом уютном гнездышке и начали совместную жизнь. У гроба Дюро, их брата и друга, они дали слово жить вместе и трудиться для Господа и ближних. Таким образом, баронессе не пришлось расставаться со своей дочерью, а Руфи — со своей сестрой. Обе они в лице Михаила обрели верного сына и брата, а он в лице Ольги — любящую жену, которой мог бы гордиться всякий благородный человек. Ведь самый прочный и лучший союз — тот, который создан Иисусом Христом. Как хорошо покоиться в пронзенных, но самых надежных руках дорогого Учителя. Он не оставляет дела, начатого в душе человека, пока в ней, будто в зеркале, не отразится Его совершенный образ.

ОГЛАВЛЕНИЕ

<i>От издателей</i>	3
<i>Т. Лимаренко. Дорога в Небо.</i> Вступительная статья	5
<i>Принятые в книге сокращения</i>	11
Глава 1	13
Глава 2	19
Глава 3	23
Глава 4	31
Глава 5	35
Глава 6	48
Глава 7	57
Глава 8	61
Глава 9	75
Глава 10	103
Глава 11	116
Глава 12	121
Глава 13	125
Глава 14	128
Глава 15	137

Детский христианский журнал
«ТРОПИНКА»

красочный и интересный
выходит 6 раз в году
распространяется по подписке

**Каждые два месяца
в новом номере «Тропинки»:**

- истории из Библии;
- детские стихи и песни;
- кроссворды и загадки;
- поучительные истории из жизни;
- рассказы о жизни в библейские времена;
- письма, стихи и другие творческие работы читателей.

Если Вы хотите выписывать «Тропинку», пришлите свою заявку по адресу:

СОМХМ, а/я 1039,
г. Владикавказ,
Россия, 362003.

(Подписчик
оплачивает
только почтовые
расходы.)

До встречи на
страницах журнала
«Тропинка»!

«ВЕРА И ЖИЗНЬ»

*Журнал миссионерского союза
«Свет на Востоке»*

выходит 6 раз в году
распространяется по подписке

Читайте в журнале:

- проповедь;
- свидетельство;
- интервью;
- стихи молодых авторов;
- вести с миссионерских полей;
- письма читателей;
- ответы на вопросы читателей,
а также кроссворды и викторины

Если Вы хотите выписывать «Веру и жизнь», пришлите свою заявку по адресу:

СОМХМ, а/я 1039,
г. Владикавказ,
Россия, 362003.

(Подписчик
оплачивает
только почтовые
расходы.)

*До встречи на
страницах журнала
«Вера и жизнь»!*

ЧИТАЙТЕ
В НОВОЙ СЕРИИ КНИГ
Кристины Рой

И стал Свет! (Автобиография)

Счастье

Мальчик-рыбак из Галилеи

С ним был Бог

В надежных руках

Пробуждение

Пропавшие

Вновь обретенный рай